This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

13813

Digitized by Google

7
XI
40

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

LXIV

64.

1887

БИБЛІОТЕКА ИСТ. ОТД.
ВЫСШ. Ж. К.
Digitized by Google

48

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

ИЗЪ ИСТОРІИ
НАРОДНОЙ НОВѢСТИ

Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи.

Текстъ по рукописямъ XVIII вѣка и введеніе

А. Н. ПЫПИНА

13 813

7 XI 40

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1887.

95 Коп.
БИБЛІОТЕКА ИСТ. ОТД.
МОСК. ВЫСШ. Ж. Н.
12 XII 12.

Digitized by Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
JUL 10 1973

K
.64
12[illegible]

[illegible]-ДАМЕНТ. БИБЛ.
13813
[illegible] Госуд.

Типографія В. Балашева:
Екатерининскій каналъ, 78.

Digitized by Google

Нѣсколько лѣтъ назадъ Л. Н. Майковымъ издана была «Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени» (Спб. 1880), героями которой были «россійскій матросъ Василій» и «прекрасная королевна Ираклія флоренской земли». Повѣсть была изъ того разряда исторій съ приключеніями, которыя выродились на Западѣ изъ старыхъ рыцарскихъ романовъ и героями которыхъ оказывались непремѣнно принцы, королевичи, храбрые рыцари и т. п. и соотвѣтственныя имъ героини, прекрасныя королевны. Цѣлый рядъ подобныхъ произведеній является и въ нашей письменности съ конца XVII-го, и особливо въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія: такими повѣстями зачитывались тогда грамотные люди всякихъ сословій, отъ посадскихъ людей, купцовъ, канцеляристовъ до гвардейскихъ капитановъ и помѣщиковъ, а впослѣдствіи онѣ перешли въ разрядъ простонародныхъ книгъ, гдѣ иныя изъ нихъ, какъ «Францель Венеціанъ» или «Англинскій милордъ Георгъ» влачатъ свое существованіе и до настоящей минуты.

Русскіе грамотѣи того времени, начитавшись этихъ и другихъ подобныхъ исторій, повторявшихъ западную новеллу, стали пробовать и свои силы въ томъ же духѣ *). Такъ, любовныя исторіи — не рыцарскаго, а буржуазнаго и шутливаго характера — отразились у насъ извѣстной по-

*) Общій библіографическій обзоръ этой рукописной повѣствовательной литературы прошлаго вѣка (преимущественно первой его половины), нами составленный, долженъ появиться въ юбилейномъ сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности, при московскомъ университетѣ.

Digitized by Google

вѣстью о Фролѣ Скобѣевѣ, любопытнѣйшимъ образчикомъ русскаго литературнаго реализма. Исторіи рыцарскія дали поводъ разсказать похожденія «россійскаго матроса Василія».

«Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію,—говорилъ Л. Н. Майковъ, издавшій эту повѣсть,—что «Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи»... есть произведеніе оригинальное русское. Конечно, нѣкоторымъ мотивамъ ея содержанія, каковы, напримѣръ, отпрашиваніе Василія у родителей, плѣненіе Иракліи разбойниками и освобожденіе ея изъ плѣна влюбившимся въ нее русскимъ матросомъ, похищеніе Иракліи флоренскимъ адмираломъ посредствомъ внезапнаго отплытія корабля, на которомъ она находилась гостьей, узнаніе Василія Иракліей по голосу,—мотивамъ этимъ не трудно подыскать соотвѣтствующія положенія въ обширномъ кругѣ такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей, обнимающемъ литературы какъ Запада, такъ и Востока; но какъ бы ни были обыкновенны и общераспространенны эти мотивы,—въ томъ сочетаніи, въ какомъ представляетъ ихъ фабула «Гисторіи о матросѣ Василіи», они, кажется, нигдѣ не встрѣчаются. Къ тому же постановка сюжета на русскую почву, по крайней мѣрѣ въ лицѣ героя повѣсти, также до извѣстной степени свидѣтельствуетъ о ея оригинальномъ происхожденіи. Съ другой стороны,—прибавляетъ г. Майковъ,—слишкомъ очевидно и то, что основа повѣсти не коренится и въ старыхъ преданіяхъ собственно русскаго эпоса. А если такъ, то, стало быть, «Гисторія о матросѣ Василіи» есть не только сочиненіе русское, но и произведеніе личнаго автора, который измыслилъ повѣсть силою собственной фантазіи».

Таково было мнѣніе г. Майкова. Предлагаемая въ настоящемъ изданіи «Гисторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ Долторнѣ и гишпанской королевнѣ Элеонорѣ» заставляетъ измѣнить это мнѣніе. «Гисторія о Долторнѣ» была повидимому тѣмъ готовымъ образцомъ, по которому соста-

Digitized by Google

вилась «Гисторія о матросѣ Василіи», именно во второй ея половинѣ, гдѣ собственно и начинаются романическія приключенія мнимо-русскаго героя.

Повѣсть о матросѣ Василіи состоитъ изъ двухъ особыхъ частей, соединенныхъ въ сущности чисто внѣшнимъ образомъ. Русскій матросъ Василій отправленъ «въ Галандію для лучшаго познанія наукъ»; тамъ онъ сдружился съ богатымъ голландскимъ гостемъ, т. е. купцомъ, къ которому былъ поставленъ на квартиру, оказалъ ему услугу по его торговлѣ, и черезъ него самъ весьма обогатился. Пришелъ наконецъ срокъ возвращенія въ Россію—матросы должны были «маршировать въ Санктпетербурхъ», въ томъ числѣ и Василій; голландскій гость сталъ «пріятно увѣщевать» его, чтобы онъ остался, и наконецъ, когда матросъ настаивалъ, что долженъ ѣхать, чтобы повидать отца, находящагося «въ древности», купецъ отпустилъ его, прося потомъ опять пріѣхать въ Голландію, далъ ему три корабля съ товарами и большую сумму денегъ, изъ которой Василій, на всякій случай, зашилъ себѣ тысячу червонцевъ въ кафтанъ. Когда корабли отплыли изъ Голландіи, на седьмой день случилась страшная буря; корабли разсѣяло по морю, а тотъ, на которомъ находился Василій, разбило, люди всѣ потонули, а Василія выбросило волнами на неизвѣстный островъ.

До сихъ поръ исторія не представляетъ чрезмѣрной невѣроятности; но дальше идутъ приключенія совсѣмъ фантастическія.

Когда Василій, выброшенный бурею на берегъ, очнулся, онъ увидѣлъ себя на островѣ, гдѣ жили разбойники. Онъ пристаетъ къ нимъ, выдавая себя также за разбойника, и увѣряетъ ихъ, что ходитъ на добычу одинъ; такимъ образомъ, уходя изъ ихъ стана, онъ достаетъ зашитыя въ кафтанѣ деньги и приноситъ къ нимъ по сту и по двѣсти червонцевъ, которые будто бы отнялъ одинъ съ проѣзжавшихъ морскихъ судовъ; разбойники дивились и видя, что это чело-

Digitized by Google

вѣкъ «удалой и умомъ острый», выбрали его своимъ атаманомъ. Они показали ему свои погреба, наполненные всякими сокровищами, и отдали всѣ ключи, между прочимъ отъ одного, богато украшеннаго «чулана», въ который однако запретили входить одному. Разъ, когда разбойники уѣхали на промыселъ, Василій захотѣлъ посмотрѣть «чуланъ», и отперши его, нашелъ тамъ «дѣвицу зѣло прекрасну, въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту». Василій палъ отъ ея «лѣпоты» на землю и узналъ отъ красавицы, что она—Ираклія, дочь короля флоренскаго, что она была похищена этими разбойниками, которые еще спорятъ, кому она должна достаться. Василій съ своей стороны объяснилъ, что онъ матросъ «изъ россійской Европіи» и тоже захваченъ разбойниками,—и обѣщалъ освободить ее. Разбойники вернулись съ богатой добычей и на свой пиръ вывели и королевну; но Василій сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нее никакого вниманія, и разбойники обрадовались, что онъ, стало быть, не захочетъ присвоить ее себѣ. Между тѣмъ Василій обдумывалъ средства къ побѣгу, и однажды, уславши разбойниковъ въ море, нагрузилъ двухъ коней сокровищами, вывелъ королевну и отправился на далекую пристань, гдѣ приставали рыбаки, возившіе разбойникамъ рыбу; онъ уже раньше сговорился съ ними, что они перевезутъ его черезъ море къ пристани, откуда «къ Цесаріи почтовые буеры бѣгаютъ». Какъ водится, разбойники, вернувшись, замѣтили бѣгство, погнались за Василіемъ по морю, но догнать уже не могли. Василій наградилъ рыбаковъ, давши имъ суму золота, потомъ переѣхалъ въ самую Цесарію, нанялъ тамъ «нѣкоторый министерскій домъ», устроился тамъ съ такимъ богатымъ уборомъ, что «при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою». Однажды цесарь увидѣлъ Василія въ церкви въ великомъ убранствѣ, призвалъ его къ себѣ, узналъ его исторію и чрезвычайно полюбилъ его. Потомъ цесарь былъ у Василія, видѣлъ королевну Ираклію и велѣлъ имъ переѣхать

Digitized by Google

въ его особый дворецъ. Такъ они жили въ великой славѣ у цесаря, и Ираклія рѣшила ни за кого не выходить за мужъ, кромѣ матроса Василія. Между прочимъ она прекрасно умѣла играть «на арфіи», и научила тому же своего любезнаго Василія. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ въ Цесарію флоренскій адмиралъ, которому король флоренскій поручилъ разыскать свою дочь. Василій не хотѣлъ отпускать съ нимъ Иракліи, которая и сама почему-то боялась адмирала; но адмиралъ употребилъ хитрость, зазвалъ Василія и Ираклію съ ихъ свитой на корабль, тотчасъ далъ знакъ къ отплытію и велѣлъ покидать въ море цесарскихъ генераловъ и министровъ, а Василію привязать ядро и съ ядромъ кинуть въ море. Но моряки, помня разныя милости къ нимъ Василія, бросили въ море его шляпу, а самого пустили въ море въ малой лодкѣ. Онъ присталъ къ берегу, принятъ былъ рыбакомъ, который вскорѣ привезъ его во Флоренское государство. Ираклія прибыла только черезъ три мѣсяца и тотчасъ должна была вѣнчаться съ запугавшимъ ее адмираломъ, котораго должна была называть своимъ освободителемъ. Когда Ираклія проѣзжала въ церковь на свадьбу съ адмираломъ, путь ея былъ мимо того дома, гдѣ жилъ Василій; тогда онъ взялъ арфу и пропѣлъ «арію», напоминавшую о ихъ прежней судьбѣ. Королевна тотчасъ пожелала видѣть того, кто играетъ, узнала своего любезнаго Василія, вернулась съ нимъ во дворецъ и разсказала все своимъ родителямъ. Король велѣлъ арестовать коварнаго адмирала; а королевна просіяла красотою и была въ великомъ веселіи. Въ то же время прибыло посольство отъ цесаря, который велѣлъ пересказать королю совершонныя адмираломъ «непотребства» и требовать, чтобы его казнили смертью — содрали съ живого кожу. Адмирала казнили, россійскій матросъ вступилъ въ законный бракъ съ королевной Иракліей,— «и было великое веселіе во всей Флоренцы три недѣли». Онъ жилъ потомъ въ великой славѣ и по смерти короля сталъ королемъ флоренскимъ.

Digitized by Google

Такъ кончается «Гисторія».

Можно было бы впередъ предположить, что похожденія героя съ тѣхъ поръ, какъ онъ попадаетъ на разбойничій островъ, не были русскаго изобрѣтенія: было бы слишкомъ безцеремонной выдумкой—сдѣлать россійскаго матроса, хотя бы самаго «остраго», «братцемъ» цесарю и флоренскимъ королемъ. И дѣйствительно, похожденія россійскаго матроса съ флоренской королевной составляютъ явное повтореніе приключеній гишпанскаго шляхтича Долторна и прекрасной гишпанской королевны Элеоноры. Г. Майковъ предполагалъ уже, что мотивы приключеній могутъ встрѣтиться въ другихъ повѣстяхъ, но думалъ, что они нигдѣ не встрѣчаются въ томъ сочетаніи, въ какомъ являются они въ исторіи матроса Василія. Приводимая нами повѣсть о Долторнѣ, напротивъ, даетъ тѣ самыя подробности и въ томъ самомъ сочетаніи: начало исторіи матроса Василія—другое, но съ того пункта, какъ онъ является атаманомъ разбойниковъ и встрѣчаетъ королевну, всѣ дальнѣйшія похожденія россійскаго матроса и гишпанскаго шляхтича—одни и тѣ-же.

Представится, конечно, вопросъ: гдѣ же подлинникъ, и гдѣ копія? Какъ мы замѣтили, невѣроятно предположить, чтобы какой-либо сочинитель первой половины прошлаго вѣка прямо, безъ всякаго предварительнаго образца вздумалъ изображать россійскаго матроса братцемъ цесарю и флоренскимъ королемъ,—и вѣроятнѣе, что шляхтичъ Долторнъ послужилъ этимъ образцомъ. Но есть и другое соображеніе, по которому матросъ Василій долженъ быть копіей, а шляхтичъ Долторнъ — оригиналомъ. Сличая обѣ исторіи, читатель найдетъ, что многіе черты гораздо менѣе ясны и мотивированы въ исторіи матроса Василія, чѣмъ въ исторіи шляхтича Долторна (какъ, напр., страхъ королевны Ираклія передъ флоренскимъ адмираломъ и т. п.). Обиліе рукописей «Долторна» и значительные варіанты ихъ текстовъ указываютъ, что эта «гисторія» была достаточна распространена и

Digitized by Google

популярна, и могла поэтому побудить къ подражанію и стать образцомъ для старинnаго грамотѣя.

Предлагаемый текстъ печатается по принадлежащей мнѣ рукописи разныхъ почерковъ первой половины XVIII вѣка, въ четвертку, на 67 листахъ.

Въ нашихъ общественныхъ и частныхъ рукописныхъ собраніяхъ нашлось до сихъ поръ еще шесть списковъ этой «гисторіи», а именно:

— «Исторія о гишпанскомъ знатного роду шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной королевнѣ Елѣонорѣ гишпанской же»,—въ сборникѣ романовъ, скороп. XVIII вѣка, на 70 листахъ (л. 37—57), Публ. Библіотеки F. XV. № 26.

Начало: «Въ древніе времена въ гишпанской земли былъ король Асинобѣргъ, которой силою и храбростію, такожъ и разумомъ всѣхъ европейскихъ ковалеровъ превосходилъ, которымъ Гишпанія обоготилась и прославиласъ (sic) и многія владѣніи въ гишпанское королевство къ поданству привелъ, но и самое славное королевство Португальское въ подданство взялъ, отъ котораго Гишпанія даній получала въ годъ по два милиона» и пр.

— «Гисторія о гишпанскомъ знатного роду шляхтиче, бывшемъ при королевскомъ дворе в грабантахъ (sic), именуемомъ Долторне, и о прекрасной гишпанской королевне Элеоноре, зело удивлению достоина, и о многобедственныхъ ихъ случаяхъ и потомъ какъ получили радость и корону цесарства римского». Въ сборникѣ повѣстей, 1754 — 55 г., писанномъ С. Кублицкимъ мелкой и четкой скорописью; об. л. 27—54. Моск. Публ. и Румянц. Музея, собранія Ундольскаго, № 912 — хорошій экземпляръ.

Начало: «Якоже пресветлая звезда от глубокого утра возсияла і яко блистающеися во тме камень подаетъ светъ і блистание, так і всемощныи і пресветлыи своеи державы государь і многоимеющи король свою Гишпанию обоготилъ и прославилъ, и многія ей изобилія и торги умножилъ, и многие грады покорилъ с протчимъ завладениемъ, такожъ і с славного королевства Португалского дани получалъ по два милиона в каждое лето, которымъ Асинобѣргъ, гишпанскіи король, владелъ 34 года. И какъ оное португалство (sic) не хотело быть в подданстве у гишпанского короля, собравшись тогда началники оного королевства и протчие воинскіе люди к

Digitized by Google

своему португалскому государю, представили ему единогласно все свое мнение со объявлениемъ своей чести говорили, что імъ не быть в подданстве у гишпанцовъ, и советовали, чтобъ не токмо гишпанскіи король бралъ у нихъ дани впредь, но и прежде взятыя денги въ 34 года, 68 милионовъ, возвратить имъ обратно, и спросили короля, чтобъ послать в Гишпанию с таковымъ намерениемъ, которыя взятыя денги возвращены не будуть, то поступить с ними воиною»...

Конецъ: «... Потомъ первыи цесарь поехавъ в Цесарію, а король гишпанскіи по прошествіи несколко времени впаде в велику болезнь, от которой мало поживъ испустилъ духъ свой, которой погребенъ былъ от Далторна з достоиною церемоннею, и причемъ находились все в великой печали. По прошествіи же того Долторнъ не захотелъ оставить такъ короны гишпанской и по совету с первымъ цесаремъ короновали в Гишпаніи за верную службу вышепомянутого адмирала, что былъ капитаномъ. Потомъ первыи цесарь взялъ с собою втораго цесаря Долторна и с цесаревою Елеонорою и поехали до Цесаріи, в которую по прибытіи благополучно первыи цесарь короновалъ Долторна цесаремъ и вручилъ ему скипетръ и державу цесарской короны, а самъ при старости жилъ при нихъ доволные лета и с цесаревою своею умре и погребены были от Долторна с немалою честію, а самъ остался на цесарстве и приживъ детей благодарили Бога.—1754».

— Списокъ въ рукописи Моск. Публ. и Румянц. Музея, пріобрѣтенной изъ б-ки Дурова, вход. № 2.656, второй половины XVIII вѣка, 4°, на 64 уцѣлѣвшихъ листахъ изъ 76 (недостаетъ листовъ 1—10 и 18—19). Прекрасный, но неполный экземпляръ, писанный однимъ крупнымъ ровнымъ почеркомъ, съ разрисованными заглавными буквами каждой красной строки, иногда по нѣскольку на страницѣ.

Начало (на л. 1-мъ или 11-мъ): «...виде сие гишпански король с вышереченными послами къ государямъ іхъ пословъ своихъ послалъ с грамотами, въ которыхъ поручалъ имъ тотъ городокъ в разорение, і какъ ізволятъ, такъ оны разоряютъ, которые на разорение того городка хотя і много покушались, но ничто же ему сотворися, точию вяще обогащали артилериею і корабелнымъ єлотомъ с протчими богатствы.

«Некогда же случися во Гишпани быть множество купецкимъ кораблямъ, на которыя возжелала погулять гишпанского короля

Digitized by Google

дочь кралевна, бывшая тогда 15 летъ, которая пришедши ко отцу своему, гишпанскому королю говорила:

«Всемилостивеишіі государь мой батюшка, прошу вашего милостиваго повзволенія (sic), благоволите приказать мнѣ погулять на пріежихъ карабляхъ, ібо какъ родилась, то еще на корабляхъ не гулевала»...

Конецъ: «...Король же гишпанской о (отъ) несказанной радости, что его дщерь божимъ смотрениемъ такому великому государю ужинилъ (т. е. учинилъ) женою, і потомъ гишпански король впадѣ в недугъ, от котораго по маломъ времениі і умре, і погребенъ честно по королевскому обычаю.

«Цесарь же Долторнъ не восхоте оставити цесарскои короны, по совету с первымъ цесаремъ короновали на королевство в Гишпанию за верную службу вышереченнаго адмирала, которои былъ капитанъ камандоръ і избавилъ цесаря Долторна от смерти, і в томъ числѣ вышепоказанного волнодомца за ево призрение, что онъ цесаря Долторна во время печали его не покинулъ, пожаловалъ в гишпанскомъ єлотѣ полнымъ адмираломъ, а цесарь первы взялъ втораго цесаря Долторна і Элеонору в Цесарию прибыли (sic), і по прибыти в Римъ короновалъ ево первою цесарскою короною, а самъ с цесаревою своею в старости сущеи, поживши в покои, положили конецъ днеи своихъ.

«Сие удивителное есть, что за чистую совесть і за истинную верную службу к своему государю рабъ і разбоиникъ ізбавленъ от великихъ бедъ і получилъ неизглаголанную радость, в которои во вся дни живота своего, яко непоколебимы столпъ утвержденны, стоялъ недвижимо і в радости положилъ жизни своея конецъ».

— «Гисторія о гишпанскомъ дробанте Долторне, како в Цесариі получилъ карону отъ прекрасноі гишпанскои королевны Иелеоноры», въ сборникѣ Тверского Музея, № 330—32, второй половины XVIII в., л. 129 — 174, — зачитанная и засаленная рукопись, писанная дурнымъ «лавочничьимъ» почеркомъ и правописаніемъ.

Начало—образчикъ безграмотной порчи текста:

«В гишпанскомъ королевстве яко пресветлая утреннея заря блистающа во тме каменіе видешимъ подобиемъ света жилища блистание такъ велможи і пресветлои своеи державы градъ імеюшеи король свою Гишпанию обоготилъ, возвеличелъ и прославилъ, многия торги умножилъ і многия грады покорилъ с протчими владетелными, межъ

Digitized by Google

которыми вышепомянутой король імелъ в подданстве партугальскаго короля со всеми его граждыны» и проч.

Конецъ:...«И вскоре приказалъ всему своему генаралитету готовитца с собою до Гишпаніі, с которыми благополучно в Гишпанію прибылъ, і какъ уведелъ в прежнемъ здравиі цесаря, Долторна і доволно о томъ веселился, а король гишпанскои отъ великои радости, что дочь ево совокупилась такому великому цесарю, пребезмерно о томъ веселился, і по некоихъ дняхъ вподе в тяжкою скорбъ, отъ которои поживе малое время, гишпанскои король духъ свой іспустилъ, і погребѣнъ былъ з достоиною честию, а цесарь же Долторнъ не захотелъ оставить цесорской короны і по совету с первымъ цесаремъ в Гишпани апределили на королевство за верную службу вышепоменутаго адмирала, которой былъ капитаномъ, потомъ первыи цесарь ізволилъ выехать ізышпаніі і взялъ с собою втораго цесаря Долторна і с цесоревою Гелеонорою, і приехавъ до Цесаріи прибыли благополучно і по прибытіі короновалъ Долторна цесаремъ і вручилъ ему скипетръ і державу, а самъ при старости жилъ при нихъ доволныя годы і с цесоревою своею умре, где погребѣны были а (отъ) Долторна з достоиною честию, і тако гисторія честно воспріяла себѣ конецъ».

— Исторія о Долторнѣ и Елеонорѣ. Въ сборникѣ гисторій, скороп. XVIII вѣка, въ четвертку, на 168 листахъ (л. 28—67). «Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей» А. А. Титова, ч. 3-я (еще не изданная), № 2461,—по сообщенію г. Титова.

Начало: «Яко пресвѣтлаго утра возсія заря и яко блистающій во тьмѣ камень невидящимъ свюта подаетъ близнерство (sic), тако великодержавный и пресвѣтлыя своея державы много имѣющій народъ своя (?) гишпанъ обогатилъ, возвеличилъ и прославилъ, и многія его изобиліи и торги умножилъ»...

— «Гисторія о гишпанскоиъ знатнаго роду шляхтиче, служившемъ при королевскомъ дворе в добротахъ (поправлено: драбатахъ), именуемомъ Долторне, и о прекраснои королевни (sic) Елеоноре, зело удивително і много бедъственныхъ ихъ случаяхъ». Въ рукописи первой половины XVIII вѣка, на 41 листѣ, принадлежащей В. П. Мордвинову,—о которой свѣдѣніе сообщено намъ И. В. Помяловскимъ.

Начало: «В древния времена в гишпанско (sic) земли былъ король Анодоберхъ, которой силою и храбростию также і в разуме всехъ европскихъ самодержцовъ превосходилъ»...

Digitized by Google

Конецъ: «...а цесарь взялъ Долторна і Елеонору в Цесарию і тутъ перваго цесарскою короною корновалъ (sic) Долторна, а самъ с цесаревою в старости сущеи живъ в покое положи конецъ дней своихъ».

Мы имѣли въ рукахъ означенныя здѣсь рукописи, кромѣ двухъ послѣднихъ, и сличивъ ихъ съ нашимъ текстомъ, положеннымъ въ основу изданія, нашли слѣдующее. Во всѣхъ просмотрѣнныхъ нами рукописяхъ, «гисторія» представляетъ въ сущности одну и ту же редакцію, но списки, очень расходящіеся между собою, могутъ быть сведены въ двѣ группы, изъ которыхъ въ одну относятся рукописи моя и Румянцовская, въ другую—рукописи Публ. Библіотеки и Кублицкаго. Кромѣ нерѣдкой разницы въ самомъ изложеніи, онѣ предоставляютъ отличія въ слѣдующихъ пунктахъ: названіе гишпанскаго короля «Асинобергомъ» (имя, извѣстное по «гисторіи о Поленціонѣ») является только во второй группѣ и отсутствуетъ въ первой; Долторнъ принимаетъ на себя имя «Ѳрезентона»—только въ первой; подробное описаніе казни гишпанскаго адмирала—только въ одномъ спискѣ второй группы; нравоучительное заключеніе повѣсти—только въ первой.

Повѣсть, видимо, множество разъ переписывалась, и при этомъ текстъ передавался не буквально, а, такъ сказать, своими словами, а иное непонятое извращалось до потери смысла; во всѣхъ рукописяхъ не найдется, кажется, не только сходной страницы, но одного, вполнѣ сходнаго, предложенія. Такимъ образомъ подведеніе варіантовъ къ одному тексту представлялось излишнимъ загроможденіемъ изданія; мы приводимъ ихъ лишь тамъ, гдѣ являлись болѣе важныя отличія или они были полезны для исправленія текста,—а для образчика обыкновенныхъ разнорѣчій предложили приведенныя выше выписки.

Что касается передачи текста въ печати, мы не считали нужнымъ сохранить всѣ подробности стараго правописанія,

Digitized by Google

тѣмъ болѣе, что оно въ рукописяхъ строго не выдерживается. Вообще тогдашняя орѳографія не была особливо требовательна; писали вообще: корабль, и—карабль; камандоръ,—но ковалеръ; имѣть, исполнить,—и іметь, ісполнить; великій, и—великиі; оный и оны; намерение; з достоиною честию; ізышпаніи; х королю; ѳлоть, ѳелтмаршелъ и т. под. Но мы старались сохранить тѣ черты написанія, которыя имѣютъ фонетическое значеніе.

А. Пыпинъ.

Май—октябрь, 1886.

Digitized by Google

Гисторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, имянуемомъ Долторнѣ, и о прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ, зѣло удивленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ и потомъ какъ получили радость и корону цесарства римскаго.

Яко пресвѣтлая отъ глубокаго утра возсіяла зоря, и яко блистающій во тмѣ камень подаетъ невидящихъ свѣта жилища блистаніе [1]), тако велемощный и пресвѣтлый своея державы государь, многоименитый [2]) король, свою Гишпанію обогатилъ, возвеличилъ и прославилъ, и многія ей изобилія и торги умножилъ, и многія грады покорилъ, съ протчими владѣніи, между которыми имѣлъ въ подданствѣ португальскаго короля со всѣми ево гражданы, отъ котораго дани получалъ на каждое лѣто по два миліона, и тѣмъ владѣлъ оны великомощный государь 34 года.

И когда тѣ португальцы не хотѣли быть въ подданствѣ Гишпаніи, тогда собралися градоначальники и протчіе военные люди къ своему португальскому государю и предъявили ему свои мнѣніи, со объявленіемъ своея чести, что не для того они желаютъ, что имъ не-

---

[1]) «Яко же пресветлая звезда отъ глубокого утра возсіяла і яко блистающеися во тме камень подаетъ светъ і блистание, такъ і всемощный» [illegible].

[2]) Въ моей и друг. рукописяхъ: «многоимѣющій».

Digitized by Google

сносно такой дани платить по вся годы, но ради ево королевской державы и своея свободы отъ Гишпаніи. И совѣтывали тако, дабы тотъ гишпанской государь не токмо съ нихъ имѣлъ [1]) впредь имать объявленную сумму денегъ съ протчими доходы, но и прежде взятыя въ тридцать четыре года шездесятъ восемь миліоновъ ему, португалскому государю, возвратилъ, котораго просили, чтобъ благоволилъ онъ къ тому гишпанскому королю послать посла своего съ предложеніемъ таковымъ: ежели оное возвращено не будетъ, то брань между Гишпаніи и Португаліи быть имѣетъ.

И по оному совѣту ихъ португальскій король послалъ во Гишпанію посломъ генерала съ полною мочью, которой благополучно прибылъ со всею своею свитою, и отъ гишпанского государя пріятно принятъ,—чая король прибытія его съ данью, якоже обычай привозити изъ Португаліи ему дань.

А когда въ грамотѣ усмотрѣлъ, что не токмо уничиженіе, но и самую угрозу; того ради принужденъ былъ также съ своими министры совѣтовать, и оные ему объявили долженства себѣ честь вящѣе пространити надъ непріятелемъ ихъ, королемъ португальскимъ. И по отпускѣ того посла изъ своего государства въ Португалію, отправили своего посла со объявленіемъ таковымъ, что съ ними Гишпанія усердно желаетъ имѣть брань и въ конецъ ихъ раззорить, нежели имъ сумму ихъ денегъ возвратить [2]). Потомъ въ тотъ часъ отпущеннымъ генералитету и протчимъ афицерамъ (и) драбантамъ король гишпанскій на срокъ збиратися велѣлъ, и отъ

---

[1]) Т. е. «не имѣлъ».

[2]) ... «советовать и по совете предложили себѣ вящшую честь иметь и получить викторію предъ непріятелемъ, и такъ ответствовалъ, что с Португалиею Гишпанія сердечно желаетъ войну иметь и отпустилъ посла португалского обратно», Куб.

Digitized by Google

многихъ подданныхъ въ помощь ко ожиданію своего непріятеля къ себѣ собралъ, и цѣлое лѣто [1]) во Гишпаніи никакого отъ португальцовъ начинанія военного не видали, а между тѣмъ гишпанское войско за крайними нуждами распущены и знатныхъ въ домы доволно.

А оные португальцы, яко истинные лесцы [2]), тѣмъ посольствомъ учинили будто политику, и только свободились отъ руки гишпанскіе, а гишпанскому державцу нанесли несносную обиду [3]), о чемъ пространнѣе ниже изобразили.

А когда отпущенные ковалеры въ домѣхъ своихъ были, то не пожелали кровавыхъ ранъ и смертныхъ язвъ отъ португалскія руки понести, пачеже не знали того, что отъ нихъ ничего возрасти не можетъ. Совѣтывали между собою, продавъ всѣ свое маетности, и взявъ довольствіе отъ домовъ своихъ, и съ нѣсколькими рабы далися бѣгу, и собрали кромѣ рабовъ своихъ [4]) съ тысячю человѣкъ и больше, избрали себѣ во Гишпаніи небольшей, удобной къ розбиванію кораблей островъ, и вселились въ немъ, и чинили многимъ купцамъ великое грабленіе и смертные убивства и утопленіе множественное, и оттого не токмо великой прибытокъ, но и самое обогащеніе себѣ пріобрѣли.

И по нѣкоемъ времени служившей въ Гишпани при домѣ королевскаго величества нѣкоторой знатнаго шля-

---

[1]) Въ рукописи: «...лето быхъ во Гишпаніи».

[2]) «Яко шіоны и лгецы», Твер.; «оные португалцы издавна лстецы», рук. Публ. Б-ки.

[3]) «Точію Португалія іздавна пословъ посылаютъ и учинили яко политику, чтобъ свободитца от дани Португаліи, а гишпанскому королю нанести несносною обиду», Кубл.

[4]) Въ рук.: «и разбивъ своихъ»; «вдались бѣгу в далные страны, и ушло отъ нихъ (чит.: однихъ) служащихъ изъ воиска гишпанскаго короля кроме рабовъ ихъ с тысячю человѣкъ и болше», Публ. Б-ки; «...не которыхъ бѣжало однехъ регулярныхъ кроме рабовъ 1,000 человѣкъ», Кубл.

Digitized by Google

хетства драбантъ, именемъ Долторнъ, которой получилъ извѣстіе чрезъ письма, что обрѣтающійся въ маетностяхъ отецъ ево рождъшіи лежитъ въ болѣзни и уже близъ смерти, у котораго какъ имѣнія, такъ и вотчинъ много, а окромѣ оного сына своего Долторна иныхъ къ наслѣдію своему не имѣлъ. Того ради принужденъ у королевскаго величества оный Долторнъ проситца въ маетности, представляя предреченную нужду. И чрезъ великой пороль получилъ себѣ отпускъ на срокъ.

И когда Долторнъ въ домъ свой прибылъ, отцу ево малое облехченіе отъ болѣзни случилось, также началъ срокъ ему приближатца; тогда отцу ево вяще болѣзнь начала умножатца. Того ради принужденъ ожидать кончины ево, и затѣмъ просрочилса. Отецъ ево умре и погребенъ съ достойною честію. Но всякіе домашніе нужды во Гишпанію въ скоромъ времяни ѣхать ево не допустили. А Долторнъ у короля подписалса съ такимъ обезательствомъ, что ежели на срокъ не пріѣдетъ, то всемѣрно живота лишенъ быть имѣетъ. И потомъ хотя намѣреніе ѣхать во Гишпанію воспріялъ, но многія вселившіяся въ голову ево противныя мысли не допустили, разсуждая себѣ за просрочку—аще и животъ ево сохранитца, но не вскорѣ наказаніе претерпитъ отъ короля; такожъ опасаясь и того: когда будетъ въ баталіи, чтобъ напрасно живота лишенъ быть не имѣлъ,—положивъ конечное намѣряніе [1]) продать все свое имѣніе и взять довольное богатство съ нѣсколькими рабы ѣхать въ вышеименованный разбойническій островъ, что и учинилъ.

---

[1]) «и потомъ разсуждая о просрочке, аще и животъ ево сохраненъ будетъ смерти, то наказанія от короля немалое претерпеть можетъ, и положилъ намереніе свое»... Публ. Б-ки; «всемерно імеетъ быть живота лишенъ, такожъ разсуждалъ—хотя чрезъ королевскую милость от смертной казни і уволенъ буду, токмо ему иметь от короля жесточайшее наказаніе, однакожъ положилъ намерение»..., Кубл.

Digitized by Google

И по нѣкоемъ времяни пріѣхалъ во оный островъ и въ тотъ часъ знаеміи ево приняли и представили старѣйшинамъ своимъ [1]), которые ему объявили свои законы: ежели кто пришедшій ковалеръ отъ Гишпаніи да не будетъ въ томъ ихъ островѣ въ такомъ зломъ дѣлѣ, въ какомъ находятца они, то тѣло ево на мелкіе части изрублено и отброшено будетъ въ море.

По объявленіи же того Долторнъ говорилъ имъ, что ево пріѣздъ къ нимъ своевольный, сохраняя животъ свой отъ руки гишпанскаго короля, и къ нимъ пріѣхалъ для такихъ же дѣлъ, въ какихъ и онѣ находятца, что видѣвъ, разбойницы были тому радостны, ибо знали ево фамилію и смысленный разумъ: того ради избрали ево надъ собою атаманомъ.

Онъ же поступилъ не яко атаманъ, но яко великодержавный принцъ. Усмотря нѣкоихъ себѣ кровныхъ и зѣло услужныхъ изъ шляхетства, четыре персоны, опредѣлилъ ихъ эсауломъ, и протчихъ всѣхъ людей распредѣлилъ по командамъ, между которыми уставилъ сотниковъ, пятидесяцкихъ и десяцкихъ, и по расположеніи оныхъ, четырехъ человѣкъ поимянно обязалъ подъ страхомъ смерти, ежели отъ кого хотя противное слово услышитъ, то будетъ поступать съ ними, яко съ непріятели [2]). А потомъ тѣ эсаулы своихъ каждый подданныхъ обязали, чтобъ со всякою вѣрностію имъ служить, и всѣхъ какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, привелъ къ себѣ въ присягу. Наконецъ же обще утвержденіе подъ ли-

---

[1]) «...с несколькими рабами ехать въ другие государства. И тако намерение исполнилъ и поехалъ, при которомъ его отъезде трафилось ему выехать вышеписанной островъ, в которомъ помянутые разбойники находятца, тотчасъ взявъ ево і знающіе Долторна представили старшинамъ своимъ», Кубл. Въ рук. Публ. Б-ки, Долторнъ также отправился просто «в далные страны», а на островъ попалъ «незапно».

[2]) «То будетъ—съ непріятели», въ моемъ спискѣ недостаетъ; дополено по рук. Публ. Б-ки; «яко со злодеями», Кубл.

Digitized by Google

шеніемъ всякому какъ первому, такъ и послѣднему живота, ежели кто внидетъ единъ въ ту полату, которая имѣетъ въ себѣ безчисленное сокровище и множество корабельныхъ вещей, а именно каменія драгоцѣннаго, чистаго сребра, жемчюга и протчихъ драгоцѣнныхъ вещей. И когда все сіе утвердилось, тогда положилъ онъ ординарію, что пятьсотъ человѣкъ поперемѣнно непрестанно днемъ и ночью по морю и по сухому пути ѣздить, и повсядневно множество грабили сокровищъ.

Посемъ помянутой Долторнъ атаманъ собралъ къ себѣ ясауловъ и протчихъ знатныхъ своихъ и здѣлалъ банкетъ, на которомъ объявилъ свое мнѣніе: удобно ль имъ то будетъ, что онъ хощетъ съ сухова берега перекопъ здѣлать и въкругъ острова крѣпость хорошую построить, чтобъ впредь отъ извѣстившихся объ нихъ разныхъ государствъ не было имъ разоренія и жить бы безъ всякой опасности. За оную жъ ево милость всѣ зѣло благодарили, что такъ онъ умыслилъ, и въ тотъ часъ положилъ онъ свое размѣреніе, какъ тому мѣсту надлежитъ быть [1]), и устроилъ такую крѣпость изъ единаго камня [2]), и стѣны необычно широки, на которохъ можно было рядомъ шти каретамъ ѣхать. И устроилъ въ морѣ ворота изрядные со украшеніемъ многихъ статуевъ, и наверху тѣхъ воротъ поставилъ персоны—къ морю гишпанскаго короля, а съ сухую сторону устроилъ другіе ворота, надъ которыми изобразилъ свою персону, на конѣ, и чрезъ перекопъ изрядной мостъ съ подъемными воротами устроили, и никакъ ни съ которой стороны помыслить невозможно чтобъ тое крѣпость кому взять. Среди жъ тое крѣпости построили превеликую полату

---

[1]) «и въ тотъ же часъ положилъ свое намереніе и высмотрелъ какъ по тому месту фортеціи быть надлежитъ», Публ. Б-ки.

[2]) «построили такую предивную крепость из дикого камня», Кубл.

Digitized by Google

ради положенія пограбленныхъ вещей, о которой заповѣдали, чтобъ отнюдъ никомубъ изъ всѣхъ разбойниковъ одному, ниже самому атаману не входить подъ страхомъ смертныя казни, ибо кто одинъ во оную полату дерзнетъ войти, чтобъ оного разсѣчъ на части мелкія. И когда такъ учинили, паки началъ имъ совѣтывать, глаголя: гдѣ можно обрѣсти пушки и протчую арматуру артилерійскую, со всѣми къ ней принадлежащими тягостьми, да безопаснѣе и надежнѣе жизнь свою и миръ продолжати, тако жъ и къ грабленію вящѣе имутъ быть силны. И нѣкто изъ нихъ предъявилъ атаману въ такой силѣ:

«Есть нѣкоторый градъ, въ которомъ живетъ владѣтель князь, а имѣетъ немалую охоту ко артилеріи, которой у него весьма доволно со всѣми принадлежностьми. А я подлинно вѣдаю и доношу вамъ, что оный князь малолюденъ, только безмѣрно собою силенъ, и поволишь ли на него итти баталіею разоренія ради»? Сіе же ему весьма угодно показалось, и нечаянно вооружися, со многою силою нощію пришли ко оному граду, и нѣсколько людей чрезъ стѣну перелѣзши, стоящихъ тутъ кораульныхъ умертвили, потомъ врата грацкія отворили. И похотѣлъ Долторнъ спящихъ прежде испужать, а потомъ вступить въ боталію, и повелѣлъ по всѣмъ улицамъ разставить своихъ разбойниковъ, и потомъ билъ въ барабаны и протчія тревожныя приспѣхи, и великимъ крикомъ возопиша на жителей, которые, отъ сна вскоча, сразились, точію ничто успѣло, ибо недопущены были до пушечной алтилеріи, и всѣ незапнымъ нападеніемъ побиты. Самому же князю случилось битися съ Ѳрезентономъ, то есть съ Долторномъ, и никоторой которого преодолѣвалъ, прибѣжа же нѣкто отъ разбойнической компаніи и на утружденнаго князя арканъ накинулъ и въ свои таборы привелъ, которому по благополучной войнѣ вынялъ у живаго князя очи, и опустили ево съ камнемъ

Digitized by Google

въ море [1]), а протчихъ, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ предали мечю, и градъ весь сожгли и имѣніе все пограбили, а пороховую казну со всею алтилеріею въ свой новопостроенный градъ привезли и окружили такъ премного и часто, что оною артилеріею едва вмѣстить могли въ три ряда.

Въ нѣкое же время случися разныхъ государствъ купеческимъ тритцати кораблямъ мимо ихъ града плыти со множествомъ богатыхъ товаровъ, а имянно французскихъ, галанскихъ и турецкихъ, съ драгимъ каменіемъ, которымъ кораблямъ оные съ города дали выстрѣломъ изъ пушки сигналъ, дабы онѣ безъ всякаго спору остановились. Они же, вѣдая себя, что съ Гишпаніею имѣютъ дружелюбство, нимало на нихъ взирая маршировали мимо. Что видя, разбойники сѣли на многіе галеры и обступили ихъ, такожъ изъ крѣпости изо множества пушекъ по караблямъ начали стрѣлять. Потомъ разбойники взошли на карабли; карабленицы же хотя и много имъ сопротивлялись, но ничто помогло, точію всеконечную пагубу себѣ получили, понеже оные душегубцы у всѣхъ утробы прободоша, а иныхъ живыхъ въ море бросали. Побивши же ихъ всѣхъ, оные карабли въ свой гавань ввели и обрѣли въ нихъ безчисленное богатство предрагоцѣнныхъ вещей, а особливо въ турецкихъ карабляхъ каменія драгоцѣннаго, еще неограненного съ коркою, какъ ихъ изъ горъ выламываютъ. Оное все выгрузя, положили въ кладовую свою полату, гдѣ кладутца пограбленные ими пожитки. И такое ихъ многолюдное кровопролитіе безъизвѣсно не учинилось, но имъ зато никакой платы не учинилось, когда изъ по верженныхъ въ море двенатцать человѣкъ спаслися раз-

---

[1]) Также и въ Публ.; «...ззади накинулъ на него арканъ и в свои табары отвезли и в море с камнемъ бросили», Публ. Б-ки.

Digitized by Google

ными образы, овыи на доскѣ, а овыи на маштѣ корабельной, изъ которыхъ каждой своему государю съ великимъ плачемъ донесли, и не знали, что онъ разбойнической городъ, но чаяли, что онъ гишпанской по гербу, изображенному на вратехъ града того, сей разбойничей городокъ, разоряюще купецкій флотъ. При которомъ ихъ разореніи о выше писанныхъ тритцати карабляхъ послали посольство до гишпанскаго короля съ запрещеніемъ[1]), чтобъ онъ тотъ городокъ конечно разорилъ, дабы впредь такова грабленія не было: представляя причину. ево, такое дѣло государемъ имѣть неудобно, и ежели оной не разоритъ, то они сами на него пойдутъ баталіею.

Когда услышалъ о семъ гишпанскій король, не мало дивился и говорилъ тако: что онъ еще о томъ городкѣ и неизвѣстенъ, давно ль построенъ, и кто имъ владѣетъ, не знаетъ. И въ тотъ часъ послалъ своего адмирала, которой еще недавно пожалованъ изъ иноземцовъ,—онъ же хотя и зѣло младъ, токмо наукою всѣхъ старшихъ превосходилъ,—приказалъ ему тайнымъ образомъ тое крѣпость осмотрѣть, какъ лутче и способнѣе къ разоренію оной сухимъ или морскимъ путемъ. Адмиралъ же, принявъ отъ государя своего приказъ, отправилса и дѣло свое благополучно оконча, пріѣхалъ и отрепортовалъ государю своему, что оной городокъ ко взятію ни съ сухова пути, ни съ моря къ разоренію весьма неспособенъ, токмо развѣ повелите ваше величество городокъ воевать, то способнѣе съ моря, нежели съ сухова пути, притомъ же объявилъ великую ихъ алтилерію.

Что слыша, гишпанской король весьма смятеся, однако жъ въ подозрѣніи не хотѣлъ себя оставить, командировалъ того жъ адмирала со 150 военными ко-

[1]) «с претителными грамотами», Публ. Б-ки; также и Кубл.

Digitized by Google

раблями, при отпускѣ жъ ему объявилъ, что ежели благополучно оныхъ злодѣевъ побѣдитъ, то вящую честь и награжденіе отъ него приметъ, чего оной адмиралъ и не желалъ, толко отговаритца предъ королемъ не смѣлъ. И въ назначенный путь отправился благополучно и труды къ трудамъ прилогалъ къ разоренію того городка. И подъ оный городокъ приступилъ, но всуе труды своя прилагалъ; наконецъ же ничего инаго выиграть не могъ кромѣ того, что наполнялъ кровію человѣческою море, оной же городокъ вяще обогатилъ мундиромъ и аммуницыею и алтилеріею. Понеже оные разбойники умолчали подъ скрытіемъ своего лукавства, мало того адмирала подъ городокъ близко подпустили, которой надѣялся тотъ городокъ получить.

И какъ оной адмиралъ близко съ кораблями у города сталъ, оле ужасного огненного нестерпимаго запаленія и разоренія того флота, кольми паче кровопролитіе человѣческое незапно, яко отъ небесъ близъ его возгремѣло смертоносныхъ громовъ изъ множества пушекъ и мартиръ огненнымъ блистаніемъ. И отъ многострѣлянія и отъ запаленія кораблей едва спаслися 25 кораблей, на которыхъ какъ можно отбѣжалъ адмиралъ и остановился. Гдѣ обрѣлъ почту, брошенную отъ городка, на ерлыкахъ припечатанныхъ, написанную тако [1]): аще со-

---

[1]) «... 25 кораблей, на которыхъ самъ адмиралъ едва ушелъ и остановился, где обрелъ почту, брошеную на ерлыкахъ, припечатанную с колеромъ, написанную тако», Публ. Б-ки; «И оные разбойники лукавствомъ своимъ умысля, когда адмиралъ подступилъ подъ крепость, то якобы хотели крепость здать і в блискомъ ево подпущеніи незапно со всей крепости какъ ис пушекъ, такъ і из мартиръ із всего (с)наряду ударили такъ сильно по его кораблямъ, яко сильный громъ, отчего в томъ олоте токмо спаслось 25 кораблей, на которыхъ оной адмиралъ какъ возможно отъ крепости отбѣжалъ, и отбѣжавъ остановился, причемъ получилъ выброшенной із крепости на стреле ерлыкъ, въ которомъ написано»..., Кубл.; «и тутъ получилъ выброшеной ерлыкъ, припечатанной к стреле», Твер.

Digitized by Google

блюсти животъ свой желаетъ, то бъ бѣжалъ, дондеже не постигнетъ ихъ разбойническій флотъ. Отчего адмиралъ былъ въ великомъ сумнѣніи, не смѣя явитца своему государю, утратя толикій военный флотъ, толко не восхотѣлъ отъ своего непріятеля, но лутче отъ государя своего воспріять смерть. И пріѣхавъ въ Гишпанію, пришелъ къ государю своему съ плачемъ, объявляя нещасливую свою пагубу и его величества флота военного погубленіе, за что отъ королевскаго величества имѣлъ себѣ хотя и великій гнѣвъ, однако жъ вину ему отпустилъ, ради прежнихъ вѣрныхъ его службъ. Видя сіе, гишпанскій король съ вышереченными послами къ государемъ ихъ послалъ своихъ пословъ съ грамотами, въ которыхъ поручалъ имъ тотъ городокъ въ разореніе, и какъ изволятъ, такъ оной разоряютъ,—которыхъ на разореніе того городка хотя и много покушались, но ничто ему сотворили, только вяще обогащали алтилеріею и корабельнымъ флотомъ съ протчими богатствы.

Нѣкогда жъ случилось во Гишпаніи быть множеству купецкимъ караблямъ, на которыхъ возжелала погулять гишпанская королевна, бывшая тогда 15 лѣтъ, которая, пришедъ ко отцу своему, говорила[1]): «всемилостивѣйшій государь мой батюшко, прошу вашего позволенія, благоволите приказать мнѣ погулять на пріѣзжихъ карабляхъ, понеже, какъ родилась, то еще на карабляхъ не гуливала». Отецъ же, яко щедролюбивъ, позволилъ по волѣ ея сотворить и приказалъ ей съ собою взять генерала фелтъмаршала и протчихъ придворныхъ ковалеровъ. Она же по позволенію родителя своего учинила, взяла же съ собою министерскихъ и генеральскихъ дще-

[1]) «... купецкимъ кораблямъ, о которыхъ известенъ былъ і самъ король, которой імелъ у себя не мало одаренну отъ Бога какъ красотою, такъ і суптелствомъ своея природы корпуса дщерь, и токмо еще была в цветушаи (віс) юности 15 летъ, которая» и пр., Твер.

Digitized by Google

рей и младыхъ отроковъ. А прежде шествія еѣ на карабли дано было знать купечеству, что будетъ государыня королевна на корабляхъ ихъ гулять. Купечество же, вѣдая такова монарха дщерь, приготовляли каждой драгіе дары, чѣмъ бы могли ея высочество дарить, между которыми имѣлса нѣкоторый турецкій славный купецъ, добронравный и богатый зѣло, которой имѣлъ у себя корабль пребогато убранъ, и приготовилъ тотъ купецъ королевнѣ Элеонорѣ перстень съ драгимъ каменіемъ, на которомъ вензеломъ изображено имя ея высочества, высокой работы.

А когда королевна Элеонора съ послѣдующими ей на корабляхъ гуляла, тогда каждой купецъ по достоинству чести ея подносили ей дары; напослѣдокъ же приде на корабль турецкого купца, на которомъ весма веселилась и укрошенію того корабля, и о полученіи паче другихъ драгоцѣннаго дара, и какъ за собою идущихъ, такъ и купца того жаловала изъ своихъ рукъ венгерскимъ по бокалу. А потомъ же на кораблѣ захотѣла по морю погулять, ибо еще отъ роду своего не гуливала [1]). И приказала тотъ карабль изъ гавани къ морской пристани вывесть, гдѣ войти соизволила со всею своею свитою на корабль тотъ. И когда на томъ кораблѣ гуляючи облавировали нѣсколько верстъ, возвратились назадъ, и когда уже были отъ города того не во многихъ верстахъ [2]), тогда восталъ великій южный вѣтръ и нача корабль моремъ зѣло обуревать и занесло ево столь далеко въ море, что невозможно отечества своего, созданнаго на высокихъ горахъ, видѣть. Что видѣвъ, прекрасная Элеонора вострепетася и во многомъ смятеніи

---

[1]) «на большихъ судахъ не гуливала», Публ. Б-ки; «на большихъ судахъ і на глубокихъ водахъ не гуливала», Кубл.

[2]) «и какъ стали верстахъ во сте», Публ. Б-ки; сходно въ Кубл. и Румянц.

Digitized by Google

приносила горкій плачь. И говорила въ себѣ: «о безчастная, кое зло сотворила, кому такъ Элеонора согрубила, что въ толикую несносную впаде погибель! Уже мнѣ умрети въ пучинѣ морстей; уже [1]) тебѣ, величайшій государь, не смѣю назватися дщерію твоею, симъ незапнымъ гуляніемъ нанесла рыданіе слезъ, которое безъ воли родительской достойно имѣть возжелала! За что изчезаетъ животъ мой въ толикомъ сокрушеніи! О, море, за что изволишь тѣмъ веселитися, что получило себѣ малую утѣху, меня недостойную, которая еще не имѣла кромѣ сего бѣдственнаго никогда на своихъ волнахъ плаванія! За что оскорбилося на мя, или тяжесть какую отъ моего гулянія на себя воспріяло, яко лютѣйшими волнами сокрушаешь мя!» И тако на многъ часъ плакала.

Море же нечювственно, никако сіе ее слово предложенное и плачь пріемляше, но вяще по своему обуреванію умножаше волны. И уже не точію тому кораблю обуреватися, но и сокрушатися на немъ всѣмъ устроеннымъ корабельнымъ матеріаломъ. И толикимъ жесточайшимъ вѣтромъ, яко стрѣла напряженна и спущенная изъ лука, карабль оный принесе подъ городокъ, въ которомъ помянутые славные разбойники жительство имѣютъ. Однако жъ нощь оную благополучно препроводиша, во утріи же день вставъ, ощутя свѣтъ, благодареніе Господу воздаша и погоду самую тихую, идущую вспять, и день просвѣтися солнечнымъ сіяніемъ. Тогда паки возрадовалася, глаголя: «Еще щастіе мое отъ меня не отступило и надѣюсь во отечество свое прибыть благополучно»,— повелѣла корабль убрать новыми парусы, но всуе ея помышленія. Аще и благополучно уже пловуще, однако жъ случися мимо разбойническаго городка плыть. Разбой-

[1]) Такъ въ рук. Публ. Б-ки; въ моей рукописи: «развѣ тебѣ».

Digitized by Google

ники же съ отводныхъ корауловъ какъ оной карабль усмотрѣли, пушечной сигналъ воспріяли, тако же и отъ оныхъ данъ былъ сигналъ, чтобъ корабль остановился, понеже въ немъ имѣютъ государыню королевну Элеонору. Но они разбойники ни во что тотъ сигналъ вмѣнили, а они такожъ хотѣли не остановясь подъ тѣмъ городкомъ мимо пройтить.

Видя же разбойники непослушаніе ихъ, яко во второе море восколебася, со обоихъ странъ града того воспшумѣша множество галеръ вооруженныхъ съ разбойниками и нападоша на карабль и отаковаша вкругъ его, и путь у него отняли, и изъ многихъ пушакъ начали стрѣлять по кораблю тому. По малѣ же времяни разбойники вошли на карабль, на которомъ хотя и много противлыпеся генералъ фелтъмаршалъ, обаче не получилъ себѣ пользы, но паче возбудилъ на себя погубленіе, ибо вскорѣ ощутилъ въ сердцѣ своемъ разбойническую военную шпагу. И послѣднее прощеніе государынѣ приносилъ, глаголя: «всемилостивѣйшая государыня, прости мя, въ сей часъ за тебя умираю». Разбойники же одежду съ него сняше и ввергоша его въ море, тако жъ и протчимъ то чинили. О, немилостивые, проклятые, не точію милующе мужескіе персоны, но и прекрасные благородныя персоны дщери, которые ни малой противности воли ихъ не имѣли, точію яко цвѣты въ своей природной красотѣ процвѣтающія въ добродѣтеляхъ, равную часть съ сопротивляющимися пріемлютъ. Отчего болѣзненно прекрасныя дѣвицы возопиша, послѣднее прощеніе государынѣ своей возсылающе. На что ни мало умилишася оные кровопивцы, обрывающе ихъ драгоцѣнныя одежды и обнаженныхъ немилостивно прободающе своими мечи и волнамъ морскимъ тѣла ихъ предовающе. О, море, воистинну я уповаю, что отъ начала своего не имѣло себѣ такого насыщенія крови человѣческія насытитися, колб-

Digitized by Google

ми жъ паче сими честнѣйшими олбастровъ прекрасными тѣлесы[1]), на которыхъ свыше блистающій свѣтъ, мню, что жалостно стоналъ, что видитъ на сихъ прекрасныхъ цвѣточкахъ бѣлыхъ и чистыхъ тѣлесъ, изъ растворенныхъ острѣйшими мечи лютѣйшихъ язвъ текущую кровь, которая яко огнемъ растопленый алый яхонтъ точашеся по прекраснымъ трупамъ. О, прекрасная государыня, великая королевна Элеонора, о тебѣ что толь долго извѣстія сею гисторіею изъявляетца, здѣли[2]) въ нещасливомъ случаѣ съ протчими уязвлена смертію или еще малодушествуетъ духъ твой?

Элеонора же, слыша толикій жалостный вопль и многое кровопролитіе своихъ вѣрныхъ слугъ, тако жъ и дѣвицъ, скоро вбѣжавъ въ каютъ, замкнувъ двери, ударилася объ столъ и воскричала необычно прекраснымъ гласомъ своимъ: «О, проклятая я паче всѣхъ человѣкъ, за что такъ безразсудно безъ воли родителя своего восхотѣла плутать по пустымъ морскимъ волнамъ, за что вижу многую и напрасно проливающуюся кровь вѣрныхъ моихъ рабовъ, которая, чаю, немолчно къ небеси вопіетъ отмщенія на тебя, всезлобная Элеонора»! И тако плакавъ, пріиде отъ страха въ великое безпамятство, и въ толикомъ безпамятствѣ усмотрѣла себя уже изведенну изъ коробля во оной городокъ, а какимъ образомъ, того не памятуетъ. Однакожъ гисторія сія объ ней объявляетъ: когда уже сей корабль введенъ былъ въ гавань, тогда выгружали изъ него всякія вещи и товары и протчее. Грабители жъ еще не бывали въ каютѣ, въ которомъ сидѣла державнѣйшая государыня Элеонора, и тотчасъ отбивши двери, вшедши же во оный

---

[1]) «албатровъ», Румянц.; «аки алу бархату прекрасными телесы», Публ. Б-ки.

[2]) „здес ли“, Румянц.

Digitized by Google

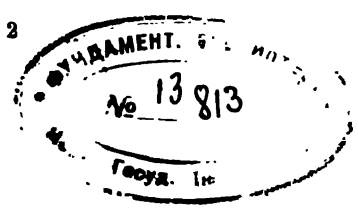
Digitized by Google

государьственныхъ веселіяхъ бывши, ни во что ихъ вмѣняла своимъ благоразуміемъ, а паче не допущала еѣ веселитися бѣдственная ея печаль. И по многомъ ихъ веселіи принуждена была всѣмъ тутъ въ компаніи сѣдящимъ разбойникомъ, по повелѣнію Ѳрезентонову, подносить. Она же сіе чинила съ жалоснымъ плачемъ. И по многомъ веселіи всѣ разошлися.

Тогда Ѳрезентонъ, взявъ Элеонору въ спалную свою полату, въ которой бы имѣлъ еѣ раздѣть и положить на постели своей. И когда въ ту спалню вошли, тогда предъявилъ ей свое намѣряніе о разрушеніи ея дѣвства, что слышавъ, прекрасная Элеонора, изъ сердечныя глубины воздохнувъ, предъ нимъ слезящися, глаголя: «дражайшій мой господине, объявляю тебѣ, что я неповинна такову грѣху, паче же честнѣйшаго отца дщерь; да не поругана буду и тобою». Ѳрезентонъ же вопросилъ ея: «а какого ты отца дщерь»? Она же, стыдящися сказать своего величества, что неразсудно и дерзостно гулянію морскому далась, отвѣщала ему, яко бы нѣкоего малтійского ковалера дочь. Онъ же, слыша о таковой ея чести, ни во что вмѣнилъ и сказалъ: «я думалъ, что ты была великодержавнаго дочь, а коли генеральская [1]), то болѣ не изволь воли моей противится, ложись со мною». Она же, видя себя въ толикой бѣдѣ, болѣзненно возопи: «истинную вамъ правду открыть стыжусь, зане о величествѣ моемъ неразсудное гуляніе мнѣ объявить не допускаетъ. Прошу тебя, или мою чистоту сохрани, или виждь о величествѣ моемъ и никому ево не имѣй открыти; или почтить за величество мое, яко честнѣйшую въ моемъ дѣвичествѣ непорочную дѣвицу, достойною смертію, въ вашихъ рукахъ разлучена буду отъ чистоты дѣвства моего».

---

[1]) Такъ и въ Румянц.; «ковалерская», Публ. Б-ки.


ФУНДАМЕНТ. № 13 813 Госуд. Ін

Digitized by Google

Слыша сіе, Ѳрезентонъ, что сія дѣвица нарицаетъ себя въ великомъ величествѣ быть, изумѣлся, восхотѣлъ лутче о ней вѣдать истинну, кто она такова, нежели льститца обезчестить чистоту ея, глаголя: «обѣщаюся клятвенно о чести твоей никому не повѣдать».

Она же, видѣвъ надъ собою бѣдственной случай, говорила ему: «честной господинъ Ѳрезентонъ, о чемъ буду вамъ доносить, того прошу никому не объявлять. Обѣщаюся тебѣ Богомъ, что готова отслужить, ежели изведетъ насъ Господь Богъ обоихъ отъ сего звѣрскаго жилища, то иному никому обѣщаюсь быть женою, и будешь имѣть скипетръ и державу государства нашего; того ради надѣяся на васъ, объявляю вамъ, что я гишпанскаго короля дочь Элеонора». Ѳрезентонъ же, какъ услыша отъ нея такіе слова, отъ страха палъ на землю[1]), видя свою властвующую государыню предъ собою стоящу въ великой бѣдѣ, и не разсудилъ болѣе что творить, только вынялъ мечъ свой, подалъ ей въ руки и говорилъ: «пріими, всемилостивѣйшая государыня, сіе оружіе отъ меня, и за дерзость мою скончай животъ мой достойною смертію, понеже, не вѣдая о вашемъ величествѣ, такое зло изъ устъ моихъ изблевалъ на свою государыню, отчего не могу на васъ возрѣти своима заслѣпленныма очима. И прошу съ покорностію моею: или скончай животъ мой или отпусти вину мою, за что обѣщаюсь Богомъ служить вашему величеству вѣрно съ положеніемъ живота моего».

Она же вящше обрадовалась, что чрезъ сію покорность испросить можетъ о сохраненіи чистоты своей, и говорила: «не точію невѣденіе твое въ вину причитаю и уязвити моею рукою, но еще паки обѣщаюсь самимъ Богомъ стараніе имѣть, чтобъ тебѣ быть ишпанскимъ

---

[1]) «паде ницъ на кравать свою», Публ. Б-ки и др. рукоп.

Digitized by Google

королемъ». Тогда Ѳрезентонъ радовался сему, что слышитъ отъ государыни своей милостивыя слова, такоже и Элеонора о сохраненіи своего дѣвства, и обще совѣтывали, какимъ бы образомъ уйти изъ того городка, понеже опасно тотъ городокъ себя охраняетъ.

Въ нѣкоторое время, въ небытность въ томъ городкѣ воровской компаніи, восхотѣлъ Ѳрезентонъ изъ имѣющихся въ полатѣ вещей пріуготовить къ своему походу, ежели оно благополучно совершится. Вшедъ въ тое полату съ Элеонорою и отобравъ каждую вещъ особо, а имянно, злато, сребро, златые матеріи, жемчюгъ и драгоцѣнное каменіе, изъ которого наполнилъ къ побѣгу своему четыре сумки переметные похуже, и положилъ въ особливое мѣсто. Еще же имъ въ полатѣ бывшимъ, тогда разбойническая кампанія пріѣхала и застала ихъ въ той полатѣ и зѣло о томъ люто разъярились и хотѣли злой смерти обоихъ предать.

Ѳрезентонъ же нимало оттого ужаснулся и призвалъ своихъ ясауловъ и предъявилъ симъ подписки ихъ, а предъявляя говорилъ: «тако ли исполняетя по своимъ подпискамъ, чтобъ вамъ противъ меня никакого противнаго слова не говорить; и хочю сей часъ души ваши отъ тѣлесъ вашихъ разлучить за толикую вашу дерзость и за данную отъ васъ подчиненнымъ вашимъ[1]) волю, которые безбоязненно на своего государя руки подымать желаютъ. Я же имъ противное что учинилъ, не знаю. Въ сію полату вошелъ, и то для того, чтобъ каждые вещи разобрать и раскласть особо. Дабы всѣ въ одномъ мѣстѣ лежа не повредились, а не похищенія ради оныхъ вошелъ, и ничего отъ васъ не скрылъ, но ради сей притчины, какъ и вы сами можете видѣть и разсудить

[1]) Въ рук.: «подчиненныхъ вашихъ».

Digitized by Google

учиненное вамъ благо». Они же умолчаше и болѣе противъ ево никто говорить не смѣлъ.

Тогда онъ выбралъ главныхъ бунтовщиковъ, по разнымъ дорогамъ овыхъ повѣсить, овыхъ на колъ посажать, овыхъ же четвертовать приказалъ, да протчія, на то взирая, не чинили бъ противъ ево дерзостей таковыхъ, въ чемъ онъ въ разбойникахъ великій страхъ возбудилъ; разсуждающе, что сіе не яко разбойникъ, но яко нѣкоторый государь сіе чинитъ, и отъ того времяни предъ Орезентономъ всякъ былъ трепетенъ и учтивъ.

Орезентонъ же тщился съ государынею своею, королевною Элеонорою, изыти изъ того городка, хотя и много покушался, токмо по желанію ево не учинилось. Чего ради разсудилъ способъ ко исхожденію Бога молить, чтобъ разбойникомъ на сухомъ пути не было ни малого прибытка, что и учинилось, ибо во многократныя походы возвращались безъ всякой корысти. Тогда Орезентонъ, яко доброхотствуя, но паче во свою ползу, дабы ко убѣгу путь очистить, совѣтовалъ ясауломъ своимъ: «втуне, господа ясаулы, воинство наше по горамъ высокимъ и тѣснымъ мѣстамъ безъ всякаго прибытка ходитъ, что и многократно случалось [1]). Того ради за лутчее разсуждаю, оную сухопутную партію отставимъ и совокупимъ къ морской, да большую намъ корысть пріобрящутъ. Да и для того, что болѣе людей, то безопаснѣе. Отчего и они наипаче могутъ быть мужественны». И оной ево совѣтъ какъ ясауломъ, такъ и всѣмъ разбойникомъ весма пріятенъ показался, и на томъ согласились.

По нѣкоемъ же времяни случилось мимо ихъ городка итьти множеству караблямъ купецкимъ. Тогда Орезен-

[1]) Такъ и въ Румянц.; «втуне мы, братіе, трудимся, лутче намъ воинство свое разослать», Публ. Б-ки; «говоритъ имъ лстиво: господа есаулы, не лутчо ли намъ войско свое разослать», Публ.

Digitized by Google

тонъ якобы для болшей корысти командировалъ всѣ партіи и всѣхъ ясауловъ и главныхъ правителей со множествомъ разбойниковъ, а при себѣ оставилъ малое число. По отпускѣ же оныхъ притворилъ себя болнымъ и приказалъ оставшимъ всѣмъ собратца къ себѣ. Они же, сошедшеся, видя ево болѣзненна, вопрошаше о болѣзни ево, на что имъ говорилъ: «вчерашній день при отпускѣ компаніи доволно веселился и былъ весьма пьянъ [1]), а нынѣ оттого великую болѣзнь принимаю себѣ, такъ что всѣ члены во мнѣ трепещутъ». Они же, слыша сіе, говорили ему: «сія болѣзнь не очень великаго лекарства требуетъ, точію чѣмъ изволили оную болѣзнь принять, тѣмъ себя и вылѣчить изволте».

Онъ же налилъ себѣ великую чашу воды, протчимъ же всѣмъ горячего вина и началъ съ ними веселитися, и подносилъ предстоящимъ предъ нимъ въ полатѣ драгіе вотки и вина великими бакалами, самъ же подъ такой цвѣтъ довольствовалъ себя водою; стоящимъ же на улицѣ разбойникамъ приказалъ налить великія чаны [2]) напитками и пить имъ приказалъ. И когда усмотрѣлъ во градъ, что уже перепились и лежатъ пьяны, потому жъ и часовые всѣ, тогда убралъ два аргамака и положилъ на оныхъ 4 сумки съ предрагоцѣннымъ каменіемъ, и убрався какъ Ѳрезентонъ, такъ и Элеонора въ ковалерское платье, побѣжалъ изъ града того и бѣжалъ такъ скоро, елико лошади скакать могли, и отбѣжали 50 верстъ.

Тогда прекрасная Элеонора, изнемогая, говоритъ: «Ѳрезентонъ, любезный мой другъ и хранитель моего здравія и чистоты, господинъ Долторнъ, уже бо моя сила въ немощь претворилась и болѣе ѣхать не могу; буди воля твоя и со мною, я истинно отъ роду своего толикаго

---

[1]) Такъ и въ Румянц. и Твер.; «шуменъ», Кубл.

[2]) «баддьи», Публ. Б-ки; «бадьи», Твер.; «чаши», Румянц.

Digitized by Google

труда не точію надъ собою, но ни надъ рабынями своими не видала».

Что слыша, Долторнъ съ жалостію и съ почтеніемъ ей отвѣтствовалъ: «премилостивая государыня моя, ежели вы желаетя себѣ покоя, то останитеся тамъ [1]), что можете пріобрѣсти кромѣ того, что прекрасное ваше тѣло окровавленно и высочайшая ваша чистота обругана будетъ? И какую имѣть желаете отраду, кромѣ смертныя пагубы? Чего ради прошу вашего величества, елико возможно потруди себя ѣхать, дабы намъ здѣсь въ степи отъ злѣйшихъ кровопивцовъ, гонившихся за нами, не претерпѣть смертоносныя язвы». Она же по тому отъ него предъявленію съ великою горестію принуждена была бѣжать, отъ смертнаго страха, и прибѣжали къ великому озеру, которое въ длину верстъ 25, а поперегъ ево съ версту, и разсудилъ, что лутчѣ ему оное озеро чрезъ переплыть, нежели кругомъ объѣзжать, дабы болѣе времяни не продолжалось. Хотя же прекрасная Элеонора лютѣйшаго потопленія ужасалась, однакожъ Долторнъ на то ни мало смотрѣлъ, взявъ еѣ лошадь въ поводъ и поѣхалъ въ воду.

Элеонора же, необыкновенная въ нуждахъ, великимъ гласомъ воскричала: «тако ли ты, господинъ Долторнъ, спасаеши животъ мой какъ обѣщался?» И бросилась съ коня, прибѣжавъ къ нему, державъ ево за стремя, паки говорила ему: «Дражайшій мой хранитель, по что ищеши погибели своему здравію, уже бо и здѣсь погибнуть оба имѣемъ? За что себя предаеши добровольно воднымъ струямъ, меня жъ оставляешь здѣсь едину погибнути? Но сладчайше мнѣ отъ твоея дражайшія руки смерть вос пріять, которая мнѣ кажетца любезнѣе всего свѣта, нежели по тебѣ въ заключеніи буду».

---

[1]) «милостивая государыня, желаете вы покоя, ежели здесь остановитца, то впадемъ въ руки разбойниковъ, и какую тогда помощь приобрести можемъ, кромѣ того, что»..., Кубл.

Digitized by Google

Онъ же, разсмѣяся, говорилъ ей: «дражайшій мой любезный ковалеръ, когда ваше величество изволила видѣть на себѣ ковалерское платье, воспріими жъ и ковалерское великодушное мужественное сердце».

Однакожъ, несмотря на нее, и взялъ и посадилъ на лошадь, и привезалъ еѣ къ сѣдлу возжами, дабы отъ страха не предала себя воднымъ струямъ, и поплыли чрезъ оное озеро. И какъ чрезъ его ѣхали, то Элеонора. отцу своему хотя послѣднее заочное приносила отъ страха прощеніе, однакожъ благополучно преплыли. И паки еще бѣжали верстъ съ пятнадцать. И пріѣхали къ великому камышнику, которой превосходилъ вышиною человѣка, сѣдящаго на конѣ. И объѣхать ево никоимъ образомъ невозможно, да и путь лежалъ имъ гнать чрезъ его. Ктому жъ вѣдая, что за тѣмъ камышникомъ степные мѣста, которые лѣсовъ, горъ и пригорковъ не имѣютъ, говорилъ Долторнъ государынѣ своей, чтобъ тутъ мало отъ трудовъ своихъ покой возъимѣть. Она жъ отъ великаго труда такъ умаялась, что не точію языкомъ глаголати, но и устъ отверсти не могла.

Тогда Долторнъ нача тотъ камышникъ бережно по единому выдергивать и, какъ выдергалъ версты на полторы, тогда взявъ лошадей, ввелъ въ тотъ камышникъ и, развѣзавъ государыню свою, снялъ съ лошади. Она же, утружденная, поверже себя на землю. Долторнъ же, вынявъ изъ сумокъ вотки бутылку [1]) и налилъ чарочку и просилъ Элеонорѣ, чтобъ она поволила отъ такого тяжкаго пути выкушать. Она же объявила ему, что еще отъ роду своего не пивала. И по многомъ отрицаніи принявъ отъ него и выкушать изволила [2]), отчего тотчасъ уснула.

---

[1]) «горячего вина», Кубл., Румянц., Твер.

[2]) «королевна жъ с принужденіемъ ево чрезъ великую мочь могла выпить», Твер.

Digitized by Google

А Долторнъ, возвратясь тѣмъ камышникомъ, себя замыкалъ такъ, какъ онъ прежде стоялъ, дабы ихъ въ томъ камышникѣ погонщики не нашли. По окончаніи жъ того накормилъ въ камышникѣ лошадей своихъ случившеюся тутъ травою и привезалъ ихъ, чтобъ не видали никакого знаку погонщики. Прекрасная Элеонора, незаобыкновенная въ такихъ трудахъ и отъ утомленія, зѣло крѣпко опочивать изволила, того жъ не чювствовала, каковый страхъ случитца надъ другомъ ея Долторномъ. Во время же ея опочиванія учинилося сіе.

Ибо когда разбойничья компанія съ моря возвратилась назадъ въ городъ и пришли въ домъ атамановъ, въ которомъ многое время искали по всѣмъ покоямъ, токмо сыскать ево не могли [1]). Потомъ пришли х казенной полатѣ и обрѣли еѣ незамкнуту, и вошли въ нее и не обрѣтоша драгоцѣнныхъ каменей, о чемъ весма оскорбились [2]), и трехъ ясауловъ, пожалованныхъ Долторномъ, изрубили въ мелкіе части. Тожъ учинили и часовымъ, которые были на караулахъ. Потомъ сѣли на кони и побѣжали вслѣдъ Долторна, и бѣгли такъ скоро, что не давали себѣ и ночного покоя. Долторнъ же паче надѣялся на волю Божію и поручилъ себя въ ево волю. Оная разбойническая компанія къ свѣту достигнула того великаго озера и смотрѣли на берегу того озера слѣды въ воду. Мыслили въ себѣ, что ихъ атаманъ отъ страха утопился въ озерѣ или переплывъ схоронился въ камышникѣ. Тако жъ и онѣ переплыли и обрѣли на другой сторонѣ слѣдъ и радовались, что могутъ его по тому слѣду сыскать. И яростію паки возъярились и прибѣжали х камышнику. Долторнъ же

---

[1]) Такъ и въ Румянц: «и пришли есаулы и многія началники в домъ Долторновъ доносить о виктори своей, въ которомъ много искали ево», Публ. Б-ки и сходно въ Кубл.

[2]) «презелно освирепили», Кубл.; «очень осердились», Твер.

Digitized by Google

страждетъ боязливымъ сердцемъ отъ непріятелей своихъ, которые разбойники во многолюдствѣ окружили ево. И не обрѣтоша пути того, которымъ шествовали убѣгшія ихъ, и приложили паче стараніе свое искать ихъ въ томъ камышникѣ, и рыскавъ повсюду, искали ихъ. Долторнъ же, слыша ихъ близъ себя, сталъ на молитву, прося Бога о спасеніи и о защищеніи отъ оныхъ разбойниковъ. Но тще оные рыщуще суетились, хотя и много и сыскать ихъ покушались, точію единого невинность, а другаго слезное прошеніе къ Богу, не допустило ихъ обрѣсти. И возвратились въ свой городокъ, только при отъѣздѣ молвили: «щасливъ, проклятой, что тебя не сыскали, прости, хищниче и злодѣй нашимъ сокровищамъ»[1]). По отъѣздѣ же ихъ Долторнъ радуется и, ставъ на лошадь, смотрилъ чрезъ камышникъ и видя ихъ вслѣдъ великое множество ѣдущихъ.

Потомъ разбудилъ свою государыню Элеонору и все случившееся ей объявилъ. Тогда она возрадовалась и говорила: «слава Господу Богу, что я въ то время спала; а ежели бъ не спала, то бы отъ страху не могла вытерпѣть, чтобъ не кричать и не просить у нихъ милости съ воплемъ». По томъ разговорѣ показалъ оное множество разбойниковъ такимъ же образомъ, какъ и самъ смотрѣлъ. И когда оные изъ виду уѣхали, тогда Долторнъ осѣдлалъ лошадей своихъ и поѣхали въ свой путь, уже не жалѣя камышника, которой въ скоромъ времяни переѣхали. И увидѣли превысокую гору, на которую взъѣхавъ, увидѣли преславный градъ, въ которомъ видятъ множество прекрасныхъ полатъ и зданія удивителнаго съ кровлями, крытыми мѣдью, которые издолека сіяніемъ своимъ блистающе. И ѣхавъ со оной горы, обрѣли въ

---

[1]) «счасливъ, проклятой сынъ, что тебя не сыскали, прости хищниче ладей нашимъ богатствомъ», Публ. Б-ки,—сходно въ Кубл. и Румянц.

БИБЛІОТЕКА ИСТ. ОТД. МОСК. ВЫСШ. Ж. К.

Digitized by Google

долинѣ дорогу и по ней шествующаго человѣка, котораго наѣхавъ спрашивали: кто онъ таковъ именемъ и куда идетъ? Онъ же отвѣщалъ имъ: «я римлянинъ, иду къ пристани морской, а путь лежитъ изъ Рима, градъ же сей столичный [1]), въ немъ царствуетъ цесарь, и къ народу весма милостивъ и странныхъ пріемлетъ. Во градъ же сухимъ путемъ вьѣхать невозможно, ибо мимо ево море прошло, чрезъ которое переѣзду толко пять верстъ, ежели жъ то море сухимъ путемъ вокругъ объѣзжать, то паки море величествомъ въ долготу неизвѣстно по другую сторону окружилось. И буде вамъ ѣхать въ Цесарію, то всемѣрно искать пути чрезъ тотъ морской заливъ».

Что слыша, Долторнъ весма обрадовался. Элеонора же паче ево радостію возрадовалась, понеже оной цесарь по родству отцу Элеонорину братъ родной, а ей дядя; ея же онъ весма любилъ, что она была у обоихъ едина, яко свѣща свѣтящаяся. О семъ же Долторну не объявила. Тотъ шествующій человѣкъ вопросилъ ихъ, что они за люди. Долторнъ же отвѣщалъ, яко онѣ нѣкоторого генерала фелтъмаршала люди, и ѣхало насъ человѣкъ съ пятдесятъ при своей госпожѣ, изъ маетности, и напали на насъ разбойники и всѣхъ побили и пограбили, толко мы два брата остались отъ нихъ и спаслися. И потомъ Долторнъ разсудилъ, что лутчѣе имъ итти къ Цесаріи пѣшимъ, понеже свободнѣе могутъ преплыти чрезъ море, и слѣзши съ лошадей, пустили ихъ на волю. А сумки Долторнъ на себѣ понесъ. И вскорѣ дошли до брега морскаго, на которомъ доволно было рыбаковъ для ловленія рыбы. И просилъ Долторнъ тѣхъ

[1]) «римской», прибавл. Публ. Б-кп и Румянц.; «градъ столичной» нѣтъ въ Кубл. Передъ тѣмъ въ спискѣ Публ. Б-ки: «онъ же имъ себя объявилъ родомъ римлянина, а художествомъ гранильщика»—послѣдняго въ другихъ спискахъ нѣтъ.

Digitized by Google

рыбаковъ, чтобъ ихъ перевезли къ Цесаріи, обѣщевая имъ за то 50 червонныхъ, но никто ихъ не смѣлъ перевезти, призновая ихъ бѣглецами другаго государства.

Долторнъ же вящшее награжденіе дати имъ обѣщеваетъ и объявляетъ, что они не бѣглецы; они же тому не вѣрятъ и перевезть ихъ не хотятъ. Между которыми былъ одинъ старшій рыбакъ, несмотря на то, что другіе ево перевести не хотятъ, посадилъ Долторна съ Элеонорою въ лотку и шесть человѣкъ гребцовъ взялъ съ собою. При отъѣздѣ просилъ свою братью рыбаковъ, ежели что на морѣ случитца какое отъ воровскихъ людей нападеніе, то бъ ево не оставить. По окончаніи же сихъ словъ поѣхали въ море и какъ уже версты съ полторы уѣхали, тогда одна галера съ разбойниками вслѣдъ ихъ гнала, съ которой множество разбойниковъ кричатъ: «стой, стой, проклятый нашъ атаманъ». Отчего Долторнъ востре-петалъ, прекрасная же королевна Элеонора, къ таковымъ страшнымъ случаямъ необыкновенна, паде отъ страха ницъ. Долторнъ же мужествомъ своимъ укрѣпляшеся, просилъ гребцовъ, чтобъ оне гребли неослабно.

Они же отвѣщали: «господинъ нашъ, невозможно отъ сихъ злодѣявъ уѣхать, понеже они имѣютъ у себя 30 веселъ, а мы имѣемъ только 6». Долторнъ же взялъ того человѣка за волосы и бросилъ въ море, и сказалъ другимъ: «ежели будете ослабѣвать, то то жъ учиню и вамъ» [1]). Гребцы жъ, видѣвши галеру близъ себя, говорили тожъ, что и прежней гребецъ говорилъ; Долторнъ же и того бросилъ въ море. Потомъ говорилъ кормщикъ: «конечно, господинъ, невозможно никакъ отъ рукъ гонивпихся за

---

[1]) «тожъ учиню и вамъ, что сему учинилъ, да не возрадуются ваши сердца моей погибѣли», Публ. Б-ки, сходно и въ Румянц.; у Кубл. Долторнъ ограничился выкинуть въ море только одного гребца: «....учинено будетъ и вамъ. Потомъ видя Долторнъ свою погибель, засвисталъ оставшимъ»....

Digitized by Google

нами спастися». Долторнъ, видя свою погибель, засвисталъ своимъ свистомъ, что услышали рыбаки, стоящіе на брегахъ морскихъ. Въ тотъ часъ на многихъ мелкихъ судахъ во оборону къ нему наѣхали, и галеру остановили и разбойниковъ всѣхъ порубили, а пограбленые ихъ разбойническіе вещи, имѣющіяся на той галерѣ, Долторнъ отдалъ все тѣмъ рыбакамъ. По перевозѣ жъ далъ имъ еще за то сто червонныхъ, что оне ихъ сохранили отъ смерти. И взявъ сумки за плеча, пошли во градъ.

Вшедши жъ во оный градъ, встрѣтилъ ихъ прежней человѣкъ, которой имъ попался на дорогѣ, которого они спрашивали: возможно ль имъ жить въ томъ градѣ? Онъ же спросилъ ихъ: что оне за люди? и оне ему сказали то жъ, что сперва ему объявили. И онъ имъ на то сказалъ: «кто бъ откуда не пріѣхалъ жить, то здѣсь отъ цесаря не запрещено». И просилъ ево Долторнъ, гдѣ бъ имъ стать на квартеру, которая хотя бъ и не велика была, толко бъ особой покой. На что ему сказалъ тотъ человѣкъ: «ежели вамъ будетъ угодно, то изволте въ домѣ моемъ стоять». Тогда Долторнъ вопросилъ ево о ево чинѣ, и на то отвѣтствовалъ, что онъ мастеровой человѣкъ, гранитъ разные камни. И повелъ Долторна съ Элеонорою въ свой домъ, въ которомъ и стоять изволили. По прошествіи жъ трехъ дней Долторнъ вынялъ изъ сумокъ своихъ самой малой камень и, принесши ево къ гранильщику, а своему хозяину, говорилъ, что есть у меня товаръ, чего стоитъ по здѣшней цѣнѣ, и показалъ ево. Гранильщикъ же, увидя тотъ камень, что стоитъ высокой цѣны, изумнѣлся и говорилъ ему: «гдѣ онъ изволилъ такой камень взять? я отъ роду моего множество высокихъ камней гранилъ, а такова камня еще не видалъ, и оцѣнить ево не могу».

Долторнъ же ему говорилъ: «не бойся, сей камень мой, толко скажи, чего онъ стоитъ, и прошу васъ ево про-

Digitized by Google

дать и взять настоящую цѣну». Гранильщикъ же сказалъ ему, что сей камень по послѣдней мѣрѣ стоитъ семь тысячъ червонныхъ [1]). Тогда Долторнъ велѣлъ ему продать и взять объявленную цѣну, а ежели что болше возметъ, то уступаетъ ему. Гранильщикъ же взялъ тотъ камень и пошелъ на гостиной дворъ. И какъ пришелъ, сталъ показывать знатному купечеству, и тѣ купцы, видя такой богатой и драгоцѣнной камень, охотно стали торговать и другъ передъ другомъ цѣну возвышали; напослѣдокъ же одинъ купецъ объявилъ, что болѣе тритцати тысячъ рублевъ [2]) не стоитъ, которому гранильщикъ за ту цѣну и отдалъ. Принялъ же денги червонцами и принесъ къ Долторну. Долторнъ же взялъ свою цѣну, за что приказалъ отдать, семь тысячъ червонныхъ, а достальные отдалъ тому гранильщику, что видя гранилщикъ падъ въ ноги ему и говорилъ: «за что такъ, благородный господинъ, такою превысокою вашею милостію меня одолжить изволили, уже бо такимъ богатствомъ безъ всякаго промыслу буду до смерти моей доволенъ, и за такую вашу неизреченную ко мнѣ милость долженъ даже до кончины жизни моей вамъ служить». На что ему Долторнъ отвѣщалъ, что «я здѣсь въ государствѣ пришлецъ и не имѣю себѣ знатнаго и вѣрнаго друга иного кромѣ васъ; того ради прошу, буди мнѣ въ потребныхъ моихъ случаяхъ другъ». Онъ же отвѣщалъ ему: «за вашу ко мнѣ неизглаголанную милость, съ положеніемъ живота моего служить вамъ готовъ».

Потомъ Долторнъ приказалъ ему принести къ себѣ драгоцѣнныхъ парчей, которыхъ ему того жъ часу и принесъ. Тогда ему Долторнъ сказалъ: «я тебѣ напредь

---

[1]) «семдесятъ тысячь рублевъ», Публ. Б-ки; «7000 рублевъ», Кубл., Румянц.

[2]) «трехъ сотъ тысячь рублевъ», Публ. Б-ки; «13000 рублевъ,» Кубл.; «30.000 р.,» Румянц.

Digitized by Google

сего о товарищѣ своемъ объявилъ, что онъ мнѣ братъ. Нынѣ тебѣ объявляю правду: онъ мнѣ не братъ, но жена моя, а привелъ еѣ въ мужескомъ платьѣ для того, чтобъ способнѣе было въ государство сіе въѣхать. И прошу васъ, прикажи сыскать портныхъ людей, хорошихъ мастеровъ, которые бъ ей здѣлали уборъ дамской». Когда пришли тѣ портные, тогда приказалъ своей державнѣйшей государынѣ, королевнѣ Элеонорѣ, здѣлать уборъ дамской. Она же приказала имъ здѣлать цесарскимъ маниромъ. Мастера же не хотѣли тѣмъ манеромъ платье дѣлать, опасаяся своего цесаря, однако жъ за великіе денги по желанію еѣ уборъ ей здѣлали, х которому убору на другіе потребности множество драгоцѣнныхъ каменій награнили. Потомъ убралася въ свою одежду, въ которой яко прекрасной цвѣтъ въ какомъ бы вертоградѣ, посредѣ другихъ процвѣтающій, или свѣтлая отъ темнѣйшей ночи ко дню заря возсіяла [1]).

Тогда Долторнъ спрашивалъ у гранильщика, не знаетъ ли гдѣ дому такого, которой бы ему нанять, и возможно ль стоять иностранному человѣку. Гранильщикъ же отвѣщалъ: «домовъ здѣсь зѣло много, а нанимать никому не запрещено, о чемъ и прежде вамъ доносилъ; а и еще вамъ донесу: ежели изволите, есть особливой домъ цесарского величества новой, которой зѣло преславно украшенъ и никто во ономъ еще не стоялъ». Спросилъ Долторнъ: «что тому дому цѣна»? Гранильщикъ же объявилъ: «тому дому цѣна по шти тысячь червонныхъ на мѣсяцъ». Долторнъ говорилъ: «а для чего такъ цѣна высока тому дому?» Гранильщикъ же сказалъ ему: «того ради, что оной домъ зѣло пространенъ и предивное въ себѣ имѣетъ украшеніе, къ тому жъ наемщику тому, которой

[1]) Такъ и въ Румянц.; сп. Публ. Б-ки только: «тогда королевна убралась в свою натуралную одежду;» «такъ какъ цветъ посреди вертограда процвела,» прибавлено къ тому въ Кубл.; сходно съ послѣднимъ Твер.

Digitized by Google

въ немъ будетъ жить, люди, кони и аргамаки, кареты, картины, столы, шкаѳы, посуда, кравати, постели, стулья, скатерти, салѳетки, повары, и дрова, и весь трактиръ хотя на двѣсти человѣкъ по всякъ день готовъ быть имѣетъ».

Долторнъ о семъ радовался и во оной домъ з гранильщикомъ пошелъ. И когда того дому внутрь вошелъ, дивилса украшенію ево, и смотрилъ у волнодомца за цесарскою рукою патентъ, почему за постой платить. И высмотря заплатилъ тому волнодомцу за мѣсяцъ шесть тысячь червонныхъ, ему же ради знакомства подарилъ пять тысячъ рублевъ, за что тотъ волнодомецъ и паче благодарилъ и сказалъ, что такой милости еще отъ государя своего не видалъ. Потомъ Долторнъ приказалъ убрать полаты и достойныхъ себѣ пріуготовить служителей, и къ утрею приготовить трактиръ на четыре персоны. Волнодомецъ спросилъ: «кто у вашего благородія будетъ»? Онъ же сказалъ, что «постороннихъ никого не будетъ кромѣ своихъ, а имянно, знакомецъ сей мой гранильщикъ, второй—ты, милостивой мой другъ, да я з женою, а сего числа вели заложить небогатую корету, въ которой бы ѣхать мнѣ по свою жену». И въ тотъ часъ пріуготовили корету, въ которой и поѣхалъ по свою государыню, прекрасную королевну Элеонору, которая приказала ему прежде въ корету поставить сумки, а потомъ и сама сѣла и приказала подлѣ себя врядъ сѣсть Долторну, и пріѣхали въ оной домъ благополучно.

И какъ королевна внутрь того дому вошла, весьма дивилась прекрасному зданію дому тому, и всякимъ въ немъ украшеніемъ, ѳигурамъ, и говорила Долторну: «развѣ вы здѣсь долго хощете жить, что такой великой домъ себѣ нанять изволили, а я бы желала немедленно отсюда ѣхать въ Гишпанію».

На что Долторнъ отвѣтствовалъ: «какъ ваше величе-

Digitized by Google

ство, видѣвъ такой страхъ надъ собою, въ такой дальный путь ѣхать изволите, понеже разбойники вездѣ будутъ насъ искать, дондеже оне не укротятца, то поживемъ здѣсь мѣсяцъ, другой и больше». Она же сіе разсудила за благо. И заутра изготовили обѣдъ и собралися други ево, съ которыми Долторнъ веселился и при томъ веселіи спросилъ ихъ, что можно ль имъ здѣсь съ купечествомъ знакомство и дружество возъимѣть? На что отвѣщали волнодомецъ и гранильщикъ: «какъ уже вашему благородію довольно объявляли, хотя съ самимъ знатца цесаремъ благоволите; для того, что его величество зѣло милостивъ и запрещенія никакого всѣмъ, чтобъ кому съ кѣмъ знатца, отъ его величества не имѣетца».

Потомъ приказалъ Долторнъ ко утрею приготовить трактиръ на пятдесятъ персонъ и приказалъ тому волнодомцу позвать къ себѣ обѣдать знатное купечество, которые по призыву волнодомца къ нему сошлися и желали бъ объ немъ вѣдать, кто онъ таковъ. Онъ же о себѣ никому извѣстія не далъ. И когда уже довольно подвеселились, тогда Долторнъ, вшедъ въ казенную полату, и взялъ изъ оной сумки горсть камней и принесши положилъ на столѣ предъ купцовъ и говорилъ имъ: «господа купцы, изволте у меня сей товаръ купить». Они же, видѣвъ такое драгоцѣнное каменіе, между собою дивились и покупали, кто которой камень могъ купить по силѣ своей, овый на двѣсти тысячь, овый на сто тысячь червонныхъ, а иные и ниже. И потомъ по многомъ веселіи отъ него разъѣхались. Поутру же каждой къ нему съ достойнымъ благодареніемъ денги за тѣ камни возвращали. И съ такимъ богатствомъ Долторнъ со своею государынею во всякомъ изобиліи жизнь свою провождали.

По прошествіи жъ довольныхъ дней великая государыня, прекрасная королевна Элеонора, въ небытность

Digitized by Google

Долторна, призвала гранильщика, давъ ему великіе денги, приказала устроить Долторну противъ любимаго имъ платья, изъ самаго драгаго высокого аксамиту [1]), у котораго пуговицы устроила съ драгоцѣнными браліантами, и парукъ, въ тысячю червонныхъ шпагу, запанки, пряжки и протчее все приготовила. Потомъ она сыскала великой камень яхантъ, изъ котораго приказала здѣлать крестъ ковалерскій апостола Андрея [2]), а съ другую сторону свою персону, убравъ съ достойнымъ каменіемъ, и на ковалерской лентѣ прицѣпила. Потомъ чрезъ подарки въ типографіи патентъ на поргаментѣ златомъ напечатали, въ которомъ писано было тако: «Великая государыня, гишпанская королевна Элеонора, за вѣрныя службы своего драбанта пожаловала полнымъ генераломъ и ковалеромъ святаго апостола Андрея. При семъ во свидѣтельство подписуюсь рукою моею и утверждаю печатью».

И все оное скрыла въ сокровенномъ мѣстѣ, чтобъ о томъ Долторнъ не былъ извѣстенъ до времяни. А Долторнъ приказалъ волнодомцу, чтобъ къ наступающему торжеству приготовить цукъ, чтобъ такова и у цесаря не было: и карета бъ была вся внутри украшена драгими парчами и драгимъ каменіемъ, и на лошадяхъ украшеніе бъ было все златое (съ) драгимъ каменіемъ, а на людехъ на всѣхъ кавтаны и камзолы были бъ изъ золотыхъ парчей, и протчіе на нихъ уборы. Волнодомецъ же все сіе исполнить обѣщалса. Послѣ того призвалъ къ себѣ Долторнъ живописца, которому велѣлъ написать шесть картинъ: первая—Бога своего, а двѣ персоны—гишпанскаго короля со дщерію ево, прекрас-

---

[1]) «изъ аксмету», Кубл.; «изъ аксаманта», Румянц.; «изъ аскаменту», Твер.

[2]) Ап. Андрей упомянутъ также въ сп. Публ. Б-ки и Румянц.; въ Кубл. (и сходно съ нимъ Твер.) просто: «крестъ ковалерскій, а подъ нимъ... патретъ».

Digitized by Google

ною Элеонорою, двѣ же персоны—цесарского величества съ цесаревою, а шестую картину во всю стѣну великаго зала, на которой изобразилъ все свое странствіе съ прекрасною королевною Элеонорою [1]) И какъ оные написаны были, то тѣ картины поставилъ въ удобныхъ мѣстахъ, большую же на одной стѣнѣ, и покрылъ еѣ чернымъ бархатомъ, и тако всю полату украсилъ. А какъ онъ то дѣлалъ, Элеонора о томъ была неизвѣсна [2]).

И какъ тотъ пришелъ великій празникъ, Долторнъ приказалъ всѣмъ своимъ служителямъ готовитца къ обѣднѣ и приказалъ карету заложить, а людемъ убратца въ свое платье, тако жъ и самъ, убрався, пришелъ къ государынѣ своей Элеонорѣ съ поздравленіемъ и говорилъ слѣдующую рѣчь: «Великая гишпанская королевна, моя премилостивая государыня, прекрасная Элеонора, понеже всещедрый Богъ праведными своими судбами благоволилъ меня, послѣднего раба твоего при вашемъ величествѣ, купно посѣтилъ насъ таковыми смертными бѣдами, отъ которыхъ едва духъ мой въ тѣлѣ спасеніе имѣлъ, а потомъ привелъ насъ въ веселіе такое достигнути сего торжествующаго Цесаріею празника, котораго ради пришелъ я до вашего величества по подданнѣйшей моей должности всенижайшій поклонъ отдать, и поздравляю васъ съ симъ праздникомъ, желая въ радости оной препроводить и впредь идущія лѣта такихъ многихъ достигнуть».

На что она ему говорила: «не я, но ты мой государь, понеже извелъ меня отъ такого бѣдства, въ которомъ хотя мы обще были, однакожъ ты, мой вселюбезный, своимъ великодушіемъ не точію извелъ отъ таковаго зло-

---

[1]) Такъ и въ Румянц.; въ сп. Публ. Б-ки только три картины (гишпанскій король съ Элеонорою, цесарь съ цесаревою. и странствіе); въ Кубл. и Твер. картинъ шесть, но счетъ спутанъ.

[2]) Далѣе идетъ въ моей рук. другой, а потомъ и третій почеркъ.

Digitized by Google

страданія, но и спасъ животъ мой и сохранилъ мою дѣвическою чистоту, за что тебя не имѣю во вѣки называть рабомъ, но государемъ своимъ, и отъ сего времени узришь оть меня къ себѣ преизящную славу».

По окончаніи же сего приказала ему раздѣтца и когда такъ учинилъ, тогда повелѣла служителемъ своимъ пріуготованное свое принести. И какъ принесли, тогда она, взявъ, надѣла на него сорочку зѣло чисту изъ драгаго полотна и застегнула драгоцѣнными запанками, также чулки, башмаки, пряшки съ браліантами, перстень предрагоцѣнной, галстукъ, каѳтанъ, камзолъ и потомъ шпагу драгоцѣнную, перукъ и шляпу на главу ему возложила. И когда ево убрала [1]), молвила ему: «угодно ль вамъ сіе мое подареніе будетъ»? Онъ же ничто иное ей отвѣщалъ, токмо благодареніе возсылалъ. Притомъ же приказала къ себѣ принести златое блюдо, на которомъ была уготована ковалерія и патентъ, и какъ оное ей принесено, тогда она, подавъ ему блюдо въ руки, и велѣла держать и взела съ того блюда ковалерію (и) говорила: «любезный мой другъ, премилостивый государь Долторнъ, за вашу ко мнѣ вѣрную службу жалую васъ генераломъ и ковалеромъ святаго апостола Андрея», и возложила на него ковалерію. Онъ же отрицаеся говорилъ: «недостоинъ, премилостивая государыня, дабы ваша монаршеская рука на мою голову послѣднего раба твоего воити могла».

Она же ему во отвѣтствіе объявила: «не послѣднимъ, но первымъ надъ всѣми тебя нарицаю, и не желаю никому иному быть въ супружествѣ токмо тебѣ». Потомъ

---

[1]) «приказала ему снять с себя одежду и велела служителемъ приготовленное принести платье, и взяла своими руками надела на него, и весь надлежащей уборъ к тому платью своими руками надевала на него, и когда во все одеяніе его убрала» и пр., Публ. Б-ки; гардеробныхъ подробностей нѣтъ также въ Кубл. и Твер.

Digitized by Google

пожаловала ему за своею рукою патентъ, которой патентъ Долторнъ, ставъ на колѣни, принявъ и достойное ей благодареніе приносилъ. И отъ многой радости у Долторна изошли изъ очей слезъ токи, что видя, прекрасная Элеонора припомнила бѣды свои и потомъ благополучіе. Отъ радости и она пролила источники слезъ и говорила: «любезный мой другъ и драгій мой женихъ, ими мнѣ вѣру, что впредь никому невѣста не назовуся, толко тебѣ». Домашніе жъ служители, которые при ономъ дѣйствіи были, весма сему дивились, что такъ дѣйствуетца; толко имъ запрещено было подъ страхомъ смерти о томъ никому до времени не объявлять. Тогда услышели благовестъ у костела. Элеонора на лице свое возложила капорнъ, взела Долторна за руку, пошла до кореты [1]), которую увидѣла и при оной рабовъ зѣло украшенныхъ, радовалась, что бывши при отцѣ своемъ въ Гишпаніи, такъ богато [2]) не ѣзживала.

Домъ же тотъ, гдѣ они жили, былъ построенъ на цесарской линіи и тогда ѣхали по той линіи [3]) въ неизглаголанной славѣ, то чаяли подлые и другіе, что ихъ цесарь ѣдетъ, для того, что передъ ними и за ними ѣхало человѣкъ съ 50 въ златомъ одѣяніи, и всякъ имъ честь отдавалъ какъ цесарю, государю своему.

И какъ пріѣхали до костела, то цесарскій генералъ фелтмаршелъ и весь генералитетъ вышли встрѣчать, чаели, что пріѣхалъ цесарь, и фелтмаршелъ хотѣлъ при-

---

[1]) «и какъ услышали благовестъ, созывающій на молитву до кастела, тогда Елеонора на лице свое возложила капоръ в златомъ лиственномъ притворе (?) и одежду злотоцветную и взела Долторна за руку» и пр., Публ. Б-ки; «возложила капоръ в златоблистанномъ одеяни», Румянц.; «приспе время ехать до кирки, тогда Елеонора на лине свое надела машкаръ», Кубл. (сходно и въ Твер.).

[2]) Такъ и въ Румянц.; «въ Гишпаніи при отце своемъ в такихъ церемонияхъ не езжала», Кубл. (сходно и въ Твер.).

[3]) «по прешпекту», Твер.

Digitized by Google

нять за руку и увидѣлъ, что не цесарь, уступя мало, со всѣмъ генералитетомъ ему поклонъ отдали и чаели объ немъ, что онъ великій государь, откуда нибудь пріѣхалъ; того ради и въ костелѣ выше его фелтмаршелъ не сталъ, а прекрасная Элеонора между дамскими персонами иному никому мѣстомъ кромѣ цесаревы не уступила. И когда уже прибылъ цесарь съ цесаревою, то встрѣтили ихъ всѣ и отъ оныхъ цесарь хотѣлъ вѣдать о Долторнѣ; они же сказали, что не знаютъ. И посмотря на него, цесарь сталъ въ своемъ мѣстѣ, цесарева жъ засылала къ Элеонорѣ спрошать о ея чести, для того, что познать ея было неможно, понеже была подъ капоромъ, и она говорила чрезъ толмоча, яко бы кромѣ римского языка инаго не знала [1]). И какъ уже ко окончанію служба приходила, то цесарь надѣелся о Долторнѣ, что онъ владѣтельный какой государь, пришедъ къ нему и хотѣлъ съ нимъ поцѣловатца.

Долторнъ же, видѣвъ свою предъ нимъ низость, хотя онъ и ковалеромъ себя признаваетъ, и ускорилъ цесаря поцѣловать въ руку, хотя цесарь того и не хотѣлъ, и за ту ево учтивость цесарь взялъ Долторна за руку и посадилъ съ собою въ свою карету. И когда поздравляли другъ друга торжествомъ, при чемъ спрашивалъ цесарь Долторна, о его чести, на что онъ отвѣтствовалъ: «Премилостивый государь цесарь, нѣтъ времени нынѣ о себѣ вашему величеству донесть, о чемъ впредь вашему величеству донесу, нынѣ же прошу, благоволите меня уволить въ домъ отобѣдать съ домашними моими, понеже въ торжественные дни обычай всякому съ домашними своими веселитца». Цесарь же не сталъ ево болѣя и принуждать, потомъ и протчихъ всѣхъ въ домы своя уво-

---

[1]) Въ рук. «и оного»; исправлено по другимъ спискамъ; «королевна жъ послу объявила, яко бы римского языка не знаетъ», Кубл.

Digitized by Google

лилъ, хотя у него обычай былъ имъ купать. Между тѣмъ прекрасная Элеонора, когда изволила въ домъ свой пріѣхать, тогда же свою карету и къ Долторну послала, до которой отъ цесаря провожалъ ево генералъ фелтмаршелъ и всѣ министры и при томъ провожаніи Долторнъ звалъ ихъ къ себѣ всѣхъ купать, и они быть обѣщались.

И какъ Долторнъ пріѣхалъ въ свою квартиру, велѣлъ волнодомцу собрать кушать на 150 персонъ и на то убралъ особливую полату, а не въ той бы кушать съ ними, въ которой поставлены были картины. Между тѣмъ генералъ фелтмаршелъ прислалъ къ Долторну съ докладомъ, не повелитъ ли онъ у себя поставить гобвахту. Долторнъ же разсудилъ въ себѣ, хотя того онъ и недостоинъ, то тому достойна премилостивая ево государыня, и съ докладу ея благоволилъ гобвахтѣ быть, и въ тотъ часъ гобвахту съ достойною честію караулъ поставили, какъ обычай коронованнымъ особамъ надлежитъ[1]). Между тѣмъ собиралися министры и какъ всѣ собрались, потомъ генералъ фелтмаршелъ пріѣхалъ, котораго встрѣчалъ самъ Долторнъ; генералъ же фелтмаршелъ отрицался встрѣтенія его и мнилъ себя быти недостойна того и цѣловалъ у Долторна руку, взаимно же и фелтмаршелъ свою руку давалъ и спорить о томъ не могъ, а на обвахтѣ тогда должное почтеніе съ трубнымъ [2]) и боробаннымъ боемъ отдовали и всѣ весма дивились украшенію полатъ, какъ онъ вяще первого украсилъ, паче же учтивому своему честному обхожденію, которому онъ еще у своего гишпанского короля научилса.

---

[1]) Такъ и въ Румянц.; «быть гобвахте, которого числа и командировали дробантовъ пристойное число оберъ і ундеръ афицеровъ, і оную в надлежащемъ месте поставили», Кубл.

[2]) «съ трубнымъ ігранiемъ» и пр., Публ. Б-ки; «з барабаннымъ боемъ и с музыкою», Кубл.

Digitized by Google

По малѣ же времени сѣли кушать, Долторнъ же вывелъ свою государыню для подношенія напитковъ въ капорѣ, чтобъ ни отъ кого не могла быть признанна, которые ей достойное почтеніе отдали съ цѣлованіемъ руки, и довольствовала она изъ своихъ рукъ всѣхъ великимъ бакаломъ, за что оные Элеонору дарили драгоцѣнными дарами, то жъ и она взаимно со излишествомъ ихъ одарила. И потомъ довольна веселилися и внезапу пришелъ къ нимъ въ компанію отъ цесарского величества баронъ, которой всѣмъ объявилъ приказъ цесарского величества, что его величество изволитъ итти во флотъ для нѣкакой забавы, чтобъ и они при томъ же были.

Что слыша, Долторнъ возрадовался, понеже цесарскому величеству итьти мимо квартеры Долторновой. Тогда просилъ Долторнъ всего генералитета, чтобъ какъ можно помогли ему просить его цесарское величество; они же съ радостію обѣщались его величества просить, понеже во многомъ веселіи дерзость и смѣлость въ себѣ ощутили. И какъ усмотрили цесаря съ протчими министрами идуща, тотъ часъ въ куражѣ, яко отчаенныи паденіемъ на колѣни заградили путь ево и, обнажа свои шпаги, ефесами къ цесарскимъ рукамъ приклоняя, говорили: «или насъ, державнѣйшій цесарь, для сего торжества опечаль или возвесели, а паче покорно просимъ посѣтити домъ сего пріѣзжаго вашего и нашего гостя, да повелитъ ваше величество сими нашеми шпаги скончать животъ нашъ».

Цесарь же возсмѣяся сказалъ: «возвеселитесь, мои вѣрныя други, въ сей день намъ и виновнымъ отпущать вины, нежели вамъ, моимъ вѣрнымъ рабомъ, какую вамъ подать тяжесть; толко желалъ было лутче веселитися во флотѣ, а у сего гостя можно бъ мнѣ и впредь быть».

Притомъ же и Долторнъ, елико могъ, простиралъ къ нему свое прошеніе, отъ которого цесарь отговоритца никакъ не могъ, и такъ всѣ поидоша. И какъ Долторнъ

Digitized by Google

со всѣми пришелъ, тогда онъ генералитету и протчимъ итьти въ прежнею полату повелѣлъ, самъ же Долторнъ съ цесаремъ пошелъ въ полату, которая была украшена картинами. И какъ во оною вошли, то цесарь устроеннымъ отъ Долторна украшеніемъ, а особливо картинамъ, весма дивился и говорилъ, что оные писаны высокою работою, и пришелъ къ двумъ картинамъ: «сея наши съ цесаревою картины, а изъ оныхъ двухъ едина—любезного моего брата, гишпанского короля, а вторая – дражайшей моей погибшей племянницы, прекрасной Элеоноры». И то выговоря, отъ жалости испустилъ слезъ токи. Потомъ Долторнъ просилъ у его величества выкушать по купку венгерскаго, къ чему цесарь и позволилъ. Потомъ всякое украшеніе внутреннее смотрилъ, между тѣмъ усмотрилъ стѣну, покрытою чернымъ бархатомъ: «вижу украшеніе сей полаты все весело, но сія едина стѣна не малое подала духу моему сомнѣніе, что въ толикомъ веселіи вижу украшеніе сей полаты, которое только едина стѣна, печалію помраченна; того ради прошу тебя, благородный гость, скажи мнѣ: какіе ради вины такъ устроено?» На что Долторнъ въ отвѣтствіе сказалъ: «виждь, ваше величество, яко нѣкогда стоящій въ вертоградѣ, а виде погибелную бездну, во оную себя ввергаетъ, тако и я, стоящій предъ вашимъ величествомъ въ крайней милости, дерзну себя (у) васъ во гнѣвъ и смерть напрасно привесть». Цесарь же не дознался въ смущеніи своемъ словъ его выразумѣть. Долторнъ же и паки ему говорилъ; потомъ цесарь сказалъ: «скажи мнѣ, благородный гость, что сія за притчина; которая у васъ такъ секретно содержитца?»

Тогда Долторнъ взялъ чернила и бумаги и говорилъ: «милостивыи государь, напиши мнѣ своею рукою, да что подъ чернымъ покровомъ обряците веселое, а вашему величеству возмнитца печальное, того ради не разлучи души моей отъ тѣла и, написавъ сіе, вручи въ руки

Digitized by Google

мнѣ оное писмо». Цесарь же написалъ: ниже ничѣмъ не вредити его[1]), и отдалъ Долторну. Долторнъ же, принявъ отъ цесаря оное писмо, черный покровъ вскрылъ со стѣны. Тогда цесарь увидѣлъ пространно написанную гисторію, въ которой Долторнъ съ любезною ево племянницею во странствѣ обращались. «Что сіе есть, вижду тебя любезного съ любезною моею племянницею въ бѣдственномъ странствіи? истинно ли сіе изображеніе, и аще истинно, то гдѣ оное мое драгоцѣнное сокровище, о которомъ сокрушаетца серца мое? понеже сія хотя и брата моего дщерь, не не уповаю, чтобъ такою болѣзнію отецъ ея згоралъ, какъ я, ибо бездѣтенъ и сію токмо едину имѣемъ наслѣдницу двухъ государствъ, гишпанского и цесарского. Пожалуй, не томи мя, но вскорѣ скажи мнѣ, гдѣ сіе сокровище скрыто, за что тебя не инымъ чѣмъ токмо онымъ имѣю почтить въ невозвратный даръ, паче же наслѣдника всей Цесаріи нарещи тя имѣю, и нынѣ кароною царскою дарствую тя, да будеши по мнѣ вторый цесарь, толко прошу тя, покажи мнѣ прелюбезнѣйшую отъ всѣхъ мою племянницу, великою государыню Элеонору».

Потомъ Долторнъ ношелъ изъ той полаты, гдѣ государыня сво Элеонора, и взялъ ее за руку и привелъ къ нему; онъ же какъ увидѣлъ ея, воскричалъ[2]) яко левъ, бросился къ ней и паде на выю ея, и облабызалъ, и жалостными слезами источники слезъ пустилъ; такоже и Элеонора отъ радости великія токи слезъ пролила, на нихъ же зря Долторнъ плакалъ довольно. Потомъ сказывала Элеонора вѣрные къ себѣ заслуги Долторновы, за

---

[1]) Такъ и у Румянц.; въ сп. Публ. Б-ки: «даждь ми верны пороль»; „...на что цесарь обещалъ не токмо какая бъ была важность, хотя бъ и до персоны моей что касалось, то ни в чемъ ваше превосходительство не точію повредить, но и словомъ не хочю оскорбить, и тако король утвердилъ пороль свой крепко присягою», Кубл.

[2]) Такъ и Румянц.; «рыкнулъ яко левъ», Публ. Б-ки; «закричалъ жалостнымъ гласомъ», Кубл.

Digitized by Google

которые она никому иному не обѣщалась, кромѣ ево, быть женою, за что Долторнъ и отъ цесаря не точію веліе благодареніе, но неизглаголанную милость получилъ, а именно, закрывъ показанную картину, призвалъ къ себѣ федтмаршела со всѣмъ генералитетомъ, которому съ достойною честію и съ высокою церемоніею свою цесарскою корону, жезлъ, порфиру и протчее одѣяніе свое принести повелѣлъ, и скоро оное на главу Долторнову возложилъ, причемъ патентомъ за рукою своею утвердилъ, да будетъ при животѣ ево вторымъ, по смерти же его самодержавнымъ цесаремъ.

И тогда весь генералитетъ присегалъ, что служить его цесарскому величеству какъ первому, такъ и ему втарому вѣрно и между ими никакого раздѣленія и зла не мыслить. Потомъ поздравляли его цесарскому величеству, государю цесарю втарому, съ воспріятіемъ кароны, также и обрученной цесаревѣ, прекрасной Элеонорѣ, у которыхъ по своему усердію и почтенію министерство цѣловали руки. При семъ бывъ цесарева перваго цесаря и радовалась сему неизреченною радостію. И были Долторну великіе дары отъ цесаря и отъ министровъ и денги, которые были браны съ него за постой, оные указали ему возвратить со излишествомъ и опредѣлили на его цесарское величество сумму съ подданныхъ збирать, и тако много веселились и по веселіи разошлись по своимъ домамъ.

И послѣ того цесарское величество по утрамъ и по вечерамъ[1]) каждого дни къ брату своему провѣдывать о здоровьѣ посылалъ; то жъ чинили между собою и цесаревы.

Потомъ Долторнъ съ прекрасною своею Элеонорою издали себѣ вновь два марша зѣло изрядныи, о кото-

[1]) Также и въ Румянц.; «притомъ было опредѣленіе», Кубл.; «опредѣлили такой регулъ, чтобъ какъ утромъ, такъ и вечеромъ каждого дни» и пр., Публ. Б-ки.

Digitized by Google

рыхъ никтобъ ни въ которомъ государствѣ кромѣ Долторна и Элеоноры не знали; ибо они сами умѣли забавлятца на цытрѣ, и оные именовали единъ—Долторнъ, вторый же—Элеонора.

Потомъ же прошу васъ слышать сіе да сократите слышаніе о сихъ двухъ знатнѣйшихъ особахъ, о цесарѣ Долторнѣ и цесаревѣ Элеонорѣ, и обратите желаніе свое къ слушанію во Гишпанію, ко отцу прекрасные Элеоноры [1]) которой о погибшей своей дщери великою печалію всегда сокрушаемъ и многимъ животъ скончалъ флота началникомъ, что безъ воли ево корабль отпустили съ королевною, и многимъ оковавъ руки и ноги, бросилъ въ темницу ради лишенія ихъ живота, хотя уже онъ искать еѣ во многіе мѣста посылалъ, такожъ и въ государства, точію безъ всякія радости къ нему возвращались, о чемъ наиболше себя сокрушилъ печалію.

Потомъ призвалъ къ себѣ адмирала того жъ, которой прежде посыланъ былъ воевать разбойническої городокъ, и говорилъ ему: «ежели желаешь быть наслѣдникъ гишпанской кароны, то потщися сыскать дщерь мою, прекрасною Элеонору, которою и въ жену себѣ, ежели сыскать можешъ въ добромъ здравіи, поимешь, и раздай въ другихъ государствахъ о безвѣстной пропажѣ ея печальный извѣтъ или трауръ.

Что слыша, адмиралъ весма тому радовался и охотно въ море для взысканія ея отъ Гишпаніи отъѣхалъ, чему вси удивлялись о скоромъ и безъизвѣстномъ его отлученіи. И не такъ себѣ отъ Гишпаніи желалъ короны, какъ наипаче желалъ получить прекрасную королевну Элеонору въ жену, и тако ѣздилъ по многимъ государ-

---

[1]) «да сохраните слушание», Румянц.; «мы же оставимъ сие какъ Долторново благополучие, такъ и злополучие, обратимся к тому, что учинилось по несчасти королевны Елеоноры со отцемъ ея, королемъ гишпанскимъ», Публ. Б-ки, сходно и въ Кубл.

Digitized by Google

ствамъ, точію отрады себѣ никакой не получилъ, отъ чего вѣчно себѣ сокрушалъ печалію, паче же опасался отца ея, своего великого государя.

И по многой своей по государствамъ ѣздѣ пріѣхалъ въ Цесарію, въ которой новый цесарь Долторнъ яко святящаяся звѣзда свѣтъ свой съ пресвѣтлою зарею сіяетъ съ прекрасною своею Элеонорою. По обычаю же тотъ адмиралъ пришелъ къ первому цесарю и посолства своего дѣла объявилъ, о нечаенной и печальной погибели державныя своя государыни Элеоноры; потомъ подалъ цесарю посланной отъ гишпанского короля трауръ[1]) также и его цесаревѣ, которыя ему о второмъ своемъ цесарѣ и о королевнѣ Элеонорѣ не объявили и якобы заплакали. Отъ цесаря жъ пошелъ, какъ обычай былъ, къ старшему генералу фелтмаршелу, понеже онъ о второмъ цесарѣ былъ неизвѣстенъ. По розговорѣ жъ генералъ фелтъмаршелъ спрашивалъ адмирала, что былъ ли онъ у ихъ цесарскихъ величествъ, у перваго и втораго цесарей, на что адмиралъ говорилъ, что у перваго цесаря былъ, а о второмъ онъ еще и неизвѣстенъ. Тогда сказалъ ему фелтмаршалъ: «поди шъ ты, господинъ адмиралъ, къ цесарскому величеству прежде, дабы мнѣ на себя не навесть отъ его величества гнѣва, а я думалъ, что вы уже и у втораго цесаря были». По словамъ же тѣмъ пошелъ адмиралъ ко второму цесарю и такимъ же образомъ, какъ и къ первому, приступилъ и подалъ трауръ о Элеонорѣ. Элеонора жъ тогда была подъ машкаромъ, дабы ея адмиралъ не позналъ. По отшествіи жъ того адмирала во флотъ Элеонора сказывала о томъ адмиралѣ Долторну, о вѣрныхъ ево службахъ къ своему государю, какъ онъ радѣтелно служитъ и какъ онъ

---

[1]) Такъ и въ Румянц.; «печальны листъ», Публ. Б-ки и Кубл.; такъ и дальше.

Digitized by Google

лстиво и лукаво (съ) своею братіею обходитца и правду изъ сердецъ ихъ вынимаетъ и отцу ея объявляетъ. Того ради объявляла Элеонора Долторну: «надлежитъ вашему цесарскому величеству ево лукавствія преостерегатца, дабы онъ такимъ своимъ пронырствомъ изъ вашего величества секрета нашего не вывѣдалъ».

Долторнъ же вѣрно и тайно хранити ей обѣщался. По прошествіи жъ нѣкоторыхъ дней приспе день рожденія втораго цесаря, на которой Долторнъ звалъ перваго цесаря и съ цесаревою и со всѣми министры, притомъ же призванъ и гишпанской адмиралъ, которого Элеонора видѣвъ отозвала Долторна во особливою камору и съ прозбою великою ему говорила:

«Любезный мой рыцарь Долторнъ, не изволте меня нынѣ выводить къ нимъ въ полату, ибо оной адмиралъ къ ихъ величеству великою ревность и ненависть имѣетъ, видеже ваше величество при мнѣ, да не какъ бы хитростно умертвилъ васъ»[1]).

И на то Долторнъ говорилъ ей: «удивляюсь я вашему величеству, что сколко вы неразумія имѣете; возможно ль тому збыться, что мнѣ зло такое ты думаешъ[2]), изволте войти къ намъ въ компанію, ибо вашъ дядя, а мой братъ, всемилостивѣйшій цесарь, не будетъ сидѣть безъ вашего величества». Она же не точію отрицаніемъ отговаривалась, но и со всякою прозбою просила Долторна, чтобъ ей въ той компаніи не быть, и уже видѣвъ, что Долторнъ того ея прошенія и слышеть не хощетъ, то паки просила ево вытьти въ машкарѣ, но и той прозбы Долторнъ не послушалъ. И принуждена была выйтить въ ту компанію безъ машкара и какъ уви-

---

[1]) Такъ и Румянц.; «чтобъ оной адмиралъ обхожденіемъ своимъ коварнымъ не зделалъ вамъ какой пакости», Публ. Б-ки, сходно и въ Кубл.

[2]) «я дивлюся вашему величеству, можно ль учинитца, что вы проекать изволите», Кубл.; въ Рум. сходятся оба варіанта.

Digitized by Google

дѣлъ ея адмиралъ, то весь оцѣпенѣлъ, и отъ жалости объ ней пробила ево дрожь и не могъ на ногахъ стоять; тогда протчіе, подхвотя ево, вывели вонъ, надѣлись за нимъ быть какую болѣзнь. По маломъ же времени пришелъ въ чуство и воспріялъ въ серцѣ своемъ какое лукавство, какимъ бы образомъ изъ Цесаріи прекрасную Элеонору увезть, и не имѣлъ столко попеченія о животѣ своемъ, сколко желалъ оную себѣ въ супружество. Потомъ же почасту тотъ адмиралъ ходилъ къ Долторну и руку ево цѣловалъ, о чемъ Долторнъ своей любезнѣйшей Элеонорѣ, какъ тотъ адмиралъ къ нему снисходително и покорно приступаетъ, объявилъ, на что Элеонора говорила: «можетъ быть, что вашего величества признать онъ никакъ не могъ».

А вышеписанной адмиралъ, играя надъ нимъ, искалъ тайно разлучить ево цесарское величество съ прекрасною Элеонорою, и умыслилъ во флотѣ учинить банкетъ въ день тезоименитства его каралевскаго величества гишпанскаго, на которой званъ отъ него былъ первый цесарь. Отъ цесарскихъ же графовъ единъ говорилъ ему, что развѣ въ Цесаріи нашей нѣтъ такихъ полатъ, которые бъ были достойны таковаго торжества, на что онъ отвѣщалъ: «изволите вы вѣдать, что нашъ государь всегда такихъ жалуетъ, которые честь его величества охраняютъ, то и я разсудилъ, чтобъ такого великаго монарха торжественный его величества день не въ чужестранныхъ полатахъ, но во флотѣ его королевского величество торжествовать надлежитъ, за что похваленъ буду и отъ цесарского величества». Потомъ пришелъ, якобы не зналъ своей государыни, прекрасной Элеоноры, просилъ ея жениха, втораго цесаря, которой его спросилъ о бытіи перваго цесаря, на что отъ него получилъ отвѣтъ, что оной быть обѣщалъ, а Долторнъ тожъ обѣщался быть и съ прекрасною Элеонорою.

Digitized by Google

По отшествіи жъ отъ цесаря Долторна оного адмирала, Элеонора паде предъ нимъ съ плачемъ, объявляя въ своемъ серцѣ неизреченный трепетъ, который во ономъ еѣ серцѣ подаетъ погибелное чуствіе, и объявляла къ тому о всезлобномъ адмирала того лукавствѣ и просила ево тако:

«Премилостивый государь мой, великій цесарь, сначала были вы милосерды надъ странствующею дѣвицею, которая тогда безъ помощи была, могла васъ упросить о сохраненіи чистоты своея, нынѣ же какъ не хощешъ здравія своего спасти, понеже вы того знать не изволите, къ нему жъ нынѣ идешь; давно я знаю его, что такова коварного въ нашемъ государьствѣ еще не обрѣталось».

Долторнъ, слыша отъ нее такіе слова, разгнѣвался и отшелъ отъ нея прочь, а самъ сказалъ: «или меня несмысленна предъ своими рабами обретала[1]), я знаю и самъ коварственные сѣти, которые онъ простираетъ, но уловить ими не можетъ».

Она же, видя Долторна прогневавшагося, болѣе ему ничего не стала досаждать, но просила, чтобъ ея хотя отъ оного веселія, въ погибель претворяющагося, быть свободной; но ит ого себѣ не получила, ибо онъ ей на то объявилъ: «развѣ ваше величество во мнѣ какое недостоинство усмотрѣли къ воспріятію сей короны, и въ томъ воля вашего величества и со мною, а ежели достойно меня пожаловали, то не изволте о моемъ желаніи препятствія чинить». Что слыша, Элеонора довольно слезъ испустила, по отшествіи отъ него, вѣдая оного адмирала ко злому коварству себѣ пострадати. И какъ уже приспѣлъ день торжества оного, то оный адмиралъ призвалъ всѣхъ своихъ командующихъ во флотѣ на свой

---

[1]) «обрела», Публ. Б-ки и Бумянц.; «или вы меня изволите признавать несмысленнымъ предъ рабами вашими», Кубл.

Digitized by Google

корабль и приказалъ, чтобъ во всемъ ево флотѣ роздан былъ пороль въ такой силѣ: когда по прошествіи ординарной для торжества дня палбы услышелъ выстрѣлъ съ корабля его изъ одной пушки [1]), то бъ и они палили по одной же и потомъ, чтобъ всѣ якоря подняли на кораблѣ, потомъ какъ выстрѣлятъ съ другой, то бъ всѣ были къ походу готовы, а какъ въ третей выпалятъ, то бъ всѣ, подняв паруса, бѣжали какъ можно въ свое гишпанское государство. И когда приспѣлъ часъ обѣда, тогда первый цесарь со своею цесаревою пріѣхалъ на корабль, по немъ же Долторнъ съ прекрасною королевною, невѣстою своею Элеонорою, которая никакъ съ того отговариватца не могла. Потомъ всѣ ихъ цесарскіе министры съѣхались и начали купно веселитися поздравляя своего брата короля гишпанского.

Адмиралъ же присмотрѣлъ за Долторномъ, что онъ зѣло здравія своего природного государя, гишпанского короля, напитки изъ купковъ опорожниваетъ, и началъ ого вяще тѣмъ обязывать, отъ чего Долторнъ ни мало отговаривался и тѣмъ хотѣлъ себя и своему государю вѣрнымъ показать, что бѣдствующая Элеонора видя, продъявляла [2]) ему, что отъ того можетъ нанестися бѣдственный случай, на что ей Долторнъ отвѣтствовалъ, что отъ сего никакой притчины быть не можетъ и быть не надѣетца.

Видя же сіе, адмиралъ, что Долторнъ нимало ево опасаетца, тако жъ и въ страхъ нималой сомнѣніемъ своимъ приходитъ, разсуждалъ въ себѣ, чтобъ ему самому отъ зломыслія своего не пострадать, да впредь бы надъ

---

[1]) Такъ и Румянц.: «когда по прошествіи ординалной для торжества польбы дань будетъ сигналъ с адмиральского корабля изъ единой пушки» и пр., Публ. Б-ки; «і отдалъ всемъ приказъ такой», Кубл., въ которомъ текстъ дальше испорченъ.

[2]) Въ «рук.: «предъявляя».

нимъ за ево лукавство чего бъ не учинилось; однакожъ цесаря Долторна удержать у себя тщился. По банкетѣ жъ яко ко увеселенію предложилъ карты и протчіе игры, на которыхъ Долторнъ охотно сталъ веселитися. И уже веселились довольно и первый цесарь болѣя уже сидѣть не сталъ и говорилъ наслѣдному своему брату, чтобъ соизволилъ ѣхать въ свои опортоменты. Долторнъ же, слыша сіе, отговаривалъ, чтобъ еще изволилъ повеселитца, для того что игрою былъ мало подзадоренъ[1]). Цесарь же еще ради ево сидѣлъ съ часъ, потомъ паки звалъ ево, чтобъ изволилъ ѣхать обще съ нимъ, чему Элеонора радовалась и Богу молбу приносила, чтобъ ево съ коробля свести, точію желанія своего не получила; понеже первый цесарь въ домъ свой ѣхать изволилъ. Тогда ево всею компаніею проводили съ коробля; тогда первый цесарь приказалъ всему своему генералитету и министрамъ, чтобъ втораго цесаря Долторна во всемъ охраняли. Они же для охраненія ево и остались. Адмиралъ, провожаючи перваго цесаря, весма радуетца. По провожденіи же вяще довольствуетъ Долторна и по довольныхъ часѣхъ ночи министры утруждены просятъ Долторна, чтобъ изволилъ ѣхать къ покою, цесарь же Долторнъ въ немаломъ былъ веселіи и разгнѣвался на нихъ и говорилъ имъ, чтобъ они ѣхали въ домы свои, ежели такъ хотятъ: «а я еще здѣсь повеселюсь».

Министры жъ не разсудили ево рѣчей, что онъ говорилъ имъ, гнѣваясь на нихъ, понеже сномъ весма были отехчены, надѣялись, что онъ позволитъ имъ ѣхать въ домы своя, и каждой пошелъ на баршу свою, что видя, Элеонора отложила свои дѣвической стыдъ,—яко истинная добрая жена соболѣзновала о своемъ мужѣ, такъ и она же-

[1]) Испр. по Румянц.; въ моей рукописи испорчено; «для того что к играмъ былъ охотникъ», Публ. Б-ки; «Долторнъ былъ охотникъ играть», Кубл.

Digitized by Google

лала животъ ево спасти, нареченного жениха своего Долторна. А Долторнъ ни мало о себѣ попеченіе не имѣлъ, и по отхожденіи министровъ адмиралъ далъ первый сигналъ изъ пушки, по которому всѣ поднели якори; министры же, слыша сіе, чаели, что о какомъ здравіи за волю цесаря приказано палить. Потомъ же, мало помѣшкавъ, данъ былъ вторый сигналъ, министры жъ не доразумѣлись адмиральского коварства, и когда данъ былъ третій сигналъ, тогда весь гишпанской флотъ пошелъ въ походъ, что видя министерство, многіе отъ страха побрасались въ воду.

Генералъ фелтмаршелъ, видя такую бѣдственную погибель государя своего Долторна, зѣло скоро шелъ къ первому цезарю, которого хотя въ спалню и не допущали, понеже цесарь съ цесаревою опочивали, онъ же объявилъ за собою великою важность и какъ вбѣжалъ къ цесарю въ спалню, цесарь вскочилъ съ постели своей и спросилъ ево, что за притчина учинилась. Онъ же ему сказалъ, что «мнѣ никакое слово отъ вашего величества не надобно, кромѣ того, что мы яко измѣнники объявляемъ о лишеніи втораго цесаря», и въ тотъ же часъ вынелъ свою шпагу и сказалъ: «лутче мнѣ отъ своихъ рукъ умереть, нежели отъ вашего величества мученіе претерпѣть». По изреченіи же сихъ словъ пробилъ себя мечемъ въ перси. Цесарь же послалъ по своего адмирала и приказалъ ему со всѣмъ своимъ флотомъ гнатца за гишпанскимъ адмираломъ, которой уже далече отбѣжалъ, а цесарской флотъ, когда собирался и какъ корабли изготовили и изъ гавани вышли, то тѣмъ временемъ гишпанской флотъ болѣя ушелъ и уже въ далности отъ Цесаріи сталъ. Цесарской же флотъ далеко гнались и ни съ чѣмъ возвратились.

Гишпанской же адмиралъ, какъ отбѣжалъ въ сторону съ триста верстъ[1]), то приказалъ всѣмъ остановитца и

---

[1]) Такъ и въ Румянц.; «далеко отбѣжалъ», Кубл.

Digitized by Google

когда остановились, тогда велѣлъ втораго цесаря предъ себя поставить, которой и не хотѣлъ къ нему итти, однако жъ неволею взятъ и тогда онъ позналъ свою нечаенную погибель, о которой прежде ему великая государыня Элеонора, невѣста ево, объявляла. И уже представленъ предъ адмирала, тогда онъ ему говорилъ: «тебѣ ли мерзкому надлежитъ таковымъ сокровищемъ владѣть, которого не умѣлъ хранить въ своемъ безуміи!»

Тогда цесарь, видѣвъ себя всякого блага лишенна, принужденъ былъ, хотя и смерть видя, говорить безъ утраты своея царскія чести: «Какъ ты, канальской сынъ, и въ чемъ надежду полагаешъ и такъ дерзновенно государю говорить дерзаешь?» Слыша сіе, адмиралъ говорилъ цесарю: «я тебѣ, толикого великого сана недостойному, не точію честь отдалъ, но и злѣйшую кару вскорѣ надъ собою увидишь». И въ тотъ часъ приказалъ ево капитану командору арестовать, которой много отговаривался и сказалъ, что «я съ такою великою персоною такъ тирански поступить не смѣю». Къ тому жъ оный капитанъ командоръ въ бытность банкета отъ цесарского величества паче другихъ былъ жалованъ.

А потомъ цесарь говорилъ къ адмиралу: «не токмо сей капитанъ командоръ арестовать меня смѣетъ, но ежели и ты дерзнешь съ орестомъ ко мнѣ притти, то въ тотъ часъ узришь за то самъ мечемъ твое проклятое серце будетъ вонзенное». И сіе говоря, цесарь самъ уже въ немаломъ страхѣ трепеталъ, но горесть отъ него уже не отступила, и незапно нѣкій шпіонъ ззади схватилъ назадъ цесарю руки, адмиралъ же самъ прибѣжавъ выхвотилъ у него шпагу и велѣлъ оковать руки и ноги въ кандалы и отдалъ ево подъ караулъ и велѣлъ содержать въ нижномъ каютѣ, гдѣ никогда и каторжныхъ не содержатъ.

И тогда, видя Долторнъ незапную свою пагубу, пока

Digitized by Google

еще ево не оковали, то тотчасъ съ себя свою ковалерію, на которой созади персона великой государыни, королевны Элеоноры, изображена, положилъ въ штанной карманъ и сказалъ послѣднея слово: «когда я всякой моей чести лишаюсь, то лутче мнѣ съ своею ковалеріею, которою моею кровію заслужилъ, и умереть». И въ тотъ часъ ево, кромѣ штановъ, оборвавъ, облекли въ самое убогое матроское платье и посадили ево въ нижней каютъ, оковавъ, гдѣ съ плачемъ жалостнымъ двои сутки сидѣлъ во отчаяніи живота своего, и въ третіе сутки пришелъ къ нему оный же капитанъ командоръ, которого Долторнъ спрашивалъ о своемъ заключеніи, на что получилъ ужасный отвѣтъ, отъ котораго не могъ Долторнъ и на ногахъ устоять, и говорилъ ему капитанъ слѣдующую рѣчь:

«Пришелъ я къ вашему величеству съ нерадостною вѣдомостью, понеже вчерашній день адмиралъ приказывалъ мнѣ, что ежели поутру по выстрѣлѣ изъ пушки съ сего корабля вашему величеству навязавъ на шею трехъпудоваго ядра и васъ не упущу въ море, а онъ послѣ того будетъ васъ искать во всемъ флотѣ, и ежели гдѣ сыщетъ въ образѣ работномъ или матроскомъ или между каторжными, то мнѣ обѣщалъ всякой членъ костей моихъ пиловать на двое». Услыша отвѣтъ цесарь и видя, что уже ему смерть объявлена, за невозможностію же не имѣлъ какъ поклонитца, для того что руки въ кандалахъ были назади скованы, падъ ницъ предъ нимъ просилъ помилованія [1]). Капитанъ же командоръ, соблюдая свой животъ, тако жъ наипаче соболѣзнуя о цесарѣ, и ска-

[1]) Такъ и въ Румянц.; «что уже смерть ему онъявлена, того ради за невозможностию не умелъ, во изумленіи і во иступленіи ума, что капитану камандору говоритъ, ктому жъ і поклонится нельзи, что руки ево и ноги в кондалахъ, токмо падъ ницъ предъ нимъ едва развлече уста своя, просилъ помилования», Публ. Б-ки.

Digitized by Google

залъ: «научи мя, премногомилостивый цесарю, какъ бы мнѣ ваше величество и себя спасти». Цесарь же въ такомъ недоумѣніи ничто не могъ отъ великаго страха говорить за безпаметствомъ, толко послѣднея говорилъ: «ежели Господь Богъ меня своими щедроты спасетъ отъ сея смерти чрезъ тебя, то болше не могу тобѣ нынѣ сказать, но самъ въ то время узришь, понеже я и говорить что не знаю [1]), толко прошу покорно, сотвори со мною милость какъ возможно».

Потомъ вздумалъ тотъ капитанъ командоръ про худую шлюпку, которою давно адмиралъ велѣлъ за ветхостію бросить, и во оную шлюпку положа цесаря и забросавъ рогожами и протчею дрянью [2]), онъ и разбилъ съ него желѣза, пустилъ по морю, и ежели будетъ живъ или въ томъ положится на волю божію, а какъ стрѣлба будетъ, то сказать адмиралу, что исполнилъ ево волю, которое свое мнѣніе и цесарю объявилъ. И по ономъ объявленіи исполнилъ тако: въ томъ же часѣ разбивъ на цесарѣ кандалы и посадилъ ево въ тое шлюпку [3]), забросилъ, отрубилъ канатъ и отпустилъ ево въ морскихъ волнахъ спасати животъ свой. Но когда человѣку пріидетъ несчастіе, то и бѣдствія вся на него обратятся, ибо какъ [4]) цесарь плылъ въ шлюпкѣ, ажно съ другова корабля оную перехватили, и еще благодать отъ вышнего Бога отъ него не отступила усмотрилъ капитанъ командоръ, то въ тотъ маментъ, бросясь на тотъ корабль, сказалъ адмиральскимъ словомъ, что тое шлюпку приказалъ адмиралъ бросить, чего ради и паки по ево приказу тоѣ шлюпку отпустили. И божіемъ изво-

---

[1]) «ибо уже и говорить мне сия печаль больше не даетъ», Публ. Б-ки.

[2]) Исправлено по другимъ спискамъ; въ моей рук.: «положа цесаря и протчею дрянь».

[3]) «забрасалъ ево рогожами и всякою дрянью», Публ. Б-ки и Кубл.

[4]) Такъ въ друг. спискахъ; въ моемъ и Румянц.: «оной цесарь».

Digitized by Google

леніемъ вѣтромъ колыхающими волнами благополучно въ той шлюпкѣ прибылъ цесарь Долторнъ въ убогомъ образѣ во Гишпанію ко брегу.

По случаю жъ нашелъ ево въ той шлюпкѣ волнодомецъ и выневъ [1]) ево, спрашивалъ, что онъ за человѣкъ. Цесарь же отвѣтствовалъ ему, якобы онъ нѣкоторого генерала фелтмаршела римского сынъ и попалъ въ руки разбоиничи и едва живъ отъ нихъ въ такомъ образѣ отбылъ; при семъ просилъ того волнодомца, чтобъ онъ ево не оставилъ въ трактирѣ, за что обѣщалъ, ежели отъ отца своего получитъ какой капиталъ, то немалое ему возданіе за ево благодѣяніе воздастъ.

Волнодомецъ же по образу и въ такомъ платьѣ за такого человѣка, какъ онъ о себѣ объявилъ, принять и не хотѣлъ, но усмотрилъ въ немъ учтивыя разговоры и честную политику, помыслилъ быть и вправду, и сказалъ ему, что болѣя ему ничего отъ него въ трактирѣ не получитъ, какъ по всякой день будетъ ему рюмка вотки, курица съ похлебкою, крушка пива, а болше ежели изволитъ, то бъ самъ коштовался. Долторнъ же, то слыша, въ немалую себѣ поставилъ милость и потомъ весма былъ радъ. И тако жилъ въ томъ волномъ домѣ, а денегъ съ нимъ толко было восемъ червонныхъ.

Во флотѣ гишпанскомъ по отплытіи цесаря Долторна адмиралъ приказывалъ выпалить изъ пушки, и въ тотъ часъ прибѣжалъ къ нему капитанъ командоръ и сказалъ, что по приказу ево исполнилъ и цесаря въ море бросилъ. И адмиралъ искалъ ево во всемъ флотѣ, что нѣтъ ли ево гдѣ и не нашелъ. Тогда адмиралъ благодарилъ того капитана командора за учиненное дружелюбіе. Тогда приказалъ Элеонору плачущую къ себѣ призвать, кото-

[1]) Такъ въ Румянц.; въ моей рук.: «вынелъ»; «и щастнемъ Долторнъ, вышедъ на бѣрегъ, и пошелъ во градъ, тогда встретился с нимъ некоторой волнодомецъ», Кубл.

Digitized by Google

рая еще о цесарѣ своемъ Долторнѣ, что надъ нимъ учинилось, была неизвѣстна, и поздравлялъ еѣ съ новымъ женихомъ и объявилъ ей патентъ, данной ему отъ отца еѣ; она же отрицаеся сказала: «хотя мнѣ и смерть принять отъ родителя моего, точію кромѣ цесаря Долторна ни за кого въ супружество итьти не желаю». Адмиралъ же сказалъ ей бывшее, что онъ надъ цесаремъ учинилъ, якобы сожелѣя ево говорилъ: «мнѣ уже ево и самому жаль, да быть такъ, понеже съ ядромъ его во море кинулъ, отколѣ и сыскать ево невозможно». Слыша сіе, Элеонора въ великомъ изумленіи пала на землю мертва отъ жалости по цесарѣ своемъ.

Онъ же въ томъ часѣ дохтурскимъ врачеваніемъ привелъ еѣ въ прежнее чуство и потомъ, выхвотя свою шпагу, и приставилъ къ ея грудемъ, говорилъ: «смотри, премилостивая государыня, или я твой женихъ, или сія шпага вонзенна въ сердце твое будетъ». Въ тотъ часъ вострепетала прекрасная Элеонора и не могла болѣе, что ему отвѣтствовать, сказала ему: «воля твоя и со мною, уже когда угасъ свѣтъ очей моихъ, то я не могу противитца воли отца моего и вся предаюсь въ волю твою».

Не отнялъ же адмиралъ шпаги отъ серца ея, еще сказалъ: «отселѣ ѣдимъ мы въ отечество твое, то, недоѣзжае, на морѣ здѣлаю я баталію и якобы я отъ турецкихъ рукъ тебя избавилъ, такъ объяви своему отцу». Она же, обливая прекрасное лице свое отъ жалости по утопшемъ цесарѣ слезами, клятвою своею обѣщалась такъ учинить и впредь воли ево не противитца. И тотъ часъ поднявъ якори и на половинѣ флота поставилъ флаки турецкія, а на другой гишпанскіе, и приказалъ, не доѣзжая Гишпаніи въ пяти верстахъ, якобы баталію учинить, убравши своихъ въ турецкое платье, которые якобы не могли съ нимъ битися, отбѣжали отъ ево кораблей прочь.

Digitized by Google

И какъ пріѣхалъ подъ Гишпанію, учинили такъ, какъ заповѣдалъ адмиралъ. И усмотрѣли гишпанскіе жители [1]), что ихъ карабли бьютца съ непріятелеми, з докладу [2]) своего короля прибѣжали на помощь; а король видѣлъ со [3]) брегу свой флотъ, отпущенной (съ) адмираломъ, ожидалъ, что будетъ, радость или печаль оной привести ему можетъ. И какъ прибыли къ пристани, взялъ адмиралъ свою государыню за руку и повелъ къ отцу ея; отецъ же ея, гишпанской король, увидѣлъ дщерь свою, прекрасною Элеонору, отъ великія радости ничего проглаголать не могъ, только обливаяся радостными слезами, отдалъ ее въ супружество адмиралу своему и шелъ во свои покои зѣло веселяся, причемъ спрашивалъ адмирала, какіемъ случаемъ и гдѣ онъ обрелъ безцѣнное ево сокровище. Адмиралъ же сказалъ: «она сама вашему величеству донести можетъ». Король же спросилъ своей дщери; она же первое опасаяся отца своего, дабы ево въ чемъ не прогнѣвать, второе бояся Бога преступить клятву свою, которою въ страхѣ дала адмиралу, третіе — не надѣялася уже своего цесаря въ живыхъ быть, сказала по обѣщанію, какъ клялась адмиралу.

А цесарь Долторнъ, лишась своего веселія, всегда обливалъ лице свое слезами, понеже онъ видѣлъ мимо того дому, гдѣ онъ жилъ, веденною адмираломъ Элеонору, понеже тотъ домъ стоялъ на королевской линіи. И какъ пришелъ день обрученія, о чемъ слышитъ и Долторнъ, и не хотѣлъ печали своея и никому открыть. Забѣжалъ на верхъ полатъ подъ кровлю и палъ яко мертвъ, приносилъ единой кровлѣ свое жалостное

---

[1]) Въ рукописи: «гишпанскихъ жителей».

[2]) Въ рукописи: «здаславу»; исправлено по Румянц.

[3]) Исправлено по другимъ спискамъ; въ рукоп. моей и Румянц.: «на брегу».

Digitized by Google

рыданіе[1]), почемъ обрелъ яко изумненый нѣкую старою цытру, схватилъ оную, вбѣжалъ въ портоментъ и просилъ волнодомца, чтобъ позволилъ ево на той цитрѣ у окна сидя играть, вспаметовавъ съ королевною Элеонорою положенные марши.

Волнодомецъ же запрещалъ ему и сказалъ: «статочное ль дѣло ты начинаешь, ибо государыня наша въ си часы ѣдетъ въ костелъ ко браку мимо сего дому, а тебѣ играть?» Долторнъ же сталъ на колѣни, просилъ ево и искалъ въ своихъ карманахъ, что бъ ему за такое позволеніе подарить, и незапно нашелъ восемь червонныхъ и тѣ волнодомцу отдалъ, чтобъ ему далъ во играніи позволеніе.

Волнодомецъ же, прелстясь на оныя червонцы, далъ ему позволеніе. И какъ Долторнъ оную цытру настроилъ и открылъ окно, игралъ, то слышавши мимо идущія того дому учрежденные въ церемоніи кавалеры весма удивлялись игрѣ[2]) ево, ни единой не запретилъ ему, чтобъ не играть, но всѣ тщились, чтобъ онъ игралъ и чрезъ слышаніе королевны призванъ на бракъ. Адмиралъ же въ костелѣ ожидаетъ своей невѣсты; и увидѣлъ Долторнъ, что уже идетъ близъ устроенная церемонія и предъ королевною шли драбанты и несли корону Элеоноры, и какъ увидѣлъ въ окно, что и она ѣдетъ въ каретѣ, то въ тотъ часъ заигралъ свой маршъ, которой того жъ мамента услышала Элеонора. И вѣдаетъ о томъ, что кромѣ ихъ дву съ Долторномъ никто тѣхъ маршей играть не умѣетъ и ктому никто ихъ не знаетъ, приказала противъ того дому остоновитца. Подлѣ жъ кореты ея величества ѣхалъ фелтъмаршелъ верхомъ, пресѣкалъ тому ея намѣренію, за что отъ ея величества въ томъ же часѣ

[1]) Исправлено по Румянц. и Кубл.; въ моей рукописи: «произносилъ едино кровне свое жалостное рыданіе»; «аеру единому,» Публ. Б-ки.

[2]) Исправлено по другимъ спискамъ; въ рукописи: «и чрезъ».

Digitized by Google

былъ арестованъ. А Долторнъ въ то время и весь паръ сталъ играть. Она же, остановясь, послала провѣдать[1]) и привесть того, кто играетъ. Тогда призвали его предъ нея. Онъ же, стыдяся въ страннемъ образѣ себя показать, не пошелъ вонъ изъ дому того. Элеонора жъ, видя то, что не идетъ предъ лице ея, приказала корету отворотить на сторону, такожъ и ворота волного дому того отворить. Тогда видя всѣ то, что за притчина, удивлялись[2]) и никто смѣлъ противится волѣ ея, понеже и фелтмаршелъ за противность арестованъ. Тотчасъ сама изъ кареты выскочила, вошла въ домъ и узнала любезнаго цесаря, не стыдясь его страннаго образа[3]), падъ обнявъ его съ радостію слезною, при всѣхъ лобызая, спрашивала римскимъ языкомъ, котораго тутъ никто знать не могли.

Цесарь же Долторнъ сказалъ все бывшее, какъ капитанъ командоръ милость сотворилъ, за что Элеонора въ тотъ же часъ взела перо и чернилы, писала сама свой именной указъ въ такой силѣ: «указъ военнымъ такъ и сухопутнымъ и морскимъ, отъ вышнихъ чиновъ и до нижнихъ, служащимъ людемъ, сего капитана камандора быть послушнымъ какъ фелтъмаршела и что оной ни будетъ чинить, то все по ево воли исполнять»[4]).

Видя то, всѣ генералы весма удивлялись; командоръ же, видя цесаря жива, весма радовался и въ тотъ часъ, получа отъ каралевны указъ, приказалъ окружить костелъ

---

[1]) «послала своего пажа проведать», Кубл.

[2]) «отворотить», въ Румянц., въ моей рук. «отворить» карсту; далѣе: „видевше же сне, устроенная церемонія не мало тому дивились», Публ. Б-ки.; сходно и Кубл.

[3]) Въ рукописи: «образомъ»; «не стыдяся ево странна суща одеждою бѣз всякого зазору со слезами лобызавъ ево», Публ. Б-ки; „въ страмномъ образе», Румянц.: «в такомъ мерскомъ платье», Кубл.

[4]) Такъ и Румянц.; въ Кубл. и Публ. Б-ки формы указа нѣтъ, и только передано его содержаніе.

Digitized by Google

заряженными картечами ружье и запретилъ, чтобъ никого какъ въ костелъ, такъ изъ костела не выпускать и ежели кто дерзнетъ вытти, того убить до смерти. Элеонора жъ приказала цесаря своего обнажить и при себѣ вымыть и выбрить бороду и главу, и нѣсколько дюжинъ платья и сорочекъ принести, изъ которыхъ выбрала (и) своими руками одѣла Долторна, потомъ драгое платье и протчее возложила [1]). Цесарь же, все платье надѣвъ, а штановъ кромѣ старыхъ не надѣваетъ и когда совсѣмъ убрався, то выневъ свою кавалерію, на себя положилъ. И какъ положилъ на себя, то всѣ генералы вяще удивились, видя персону на ковалеріи своей государыни изображенну. Потомъ Элеонора указала вторую корону въ церемоніи нести. Адмирала же того таковымъ же образомъ въ томъ часѣ вѣнчать приказала, какъ онъ вѣнчать приказалъ цесаря, и исполнилось по приказу ея, ибо капитанъ камандоръ, назначенный фелтъмаршелъ, выхвотя ево изъ костела, оковалъ ево руки и ноги въ кандалы и навезалъ на шею ево ядро, съ коробля бросили въ море [2]).

---

[1]) Такъ и въ Румянц.; въ спискахъ Публ. Б-ки и Кубл. ни «обнажить», ни «вымыть при себѣ» нѣтъ, а говорится только: «приказала принести драгій уборъ на цесаря и убравъ его своими руками», Публ. Б-ки; „приказала принесть драгоценное платье і уборъ», Кубл.

[2]) «адмирала же того приказала капитану командору, нареченному фелтьмаршелу, вергать таковымъ же образомъ, какъ онъ покушался надъ Долторномъ, и в тотъ же часъ капитанъ камандоръ, нареченный фелтьмаршелъ, велелъ ево вывесть ис костела, сковавъ ему руки и ноги, и завязавъ на шѣю ево трехъ-пудовое ядро и с коробля пустилъ в море», Публ. Б-ки.

Въ этомъ пунктѣ «гисторіи» списокъ Кублицкаго вводитъ цѣлый особый эпизодъ, отсутствующій въ другихъ рукописяхъ, которыми мы пользовались. Рѣчь идетъ о казни коварнаго адмирала.

«Капитанъ.... велелъ вскоре адмирала вывесть іс кирки нечестно і арестовалъ, оковавъ ему руки и ноги, ответщи ево в корабль и посадилъ во означенной каютъ, где сидѣлъ Долторнъ, и сказалъ ему: «каналія, теперь думай, что ты желалъ надъ цесаремъ Долторномъ зделать, ібо тебѣ нынѣ учинится нонвящшее, что составы твои раздроблены будуть на мелкіе части; ведай, что цесарь Долторнъ живъ и царствуетъ, і поехалъ в

Digitized by Google

Цесаря же, по убраніи, королевна Элеонора цѣловавъ со умиленіемъ и взявъ ево за руку, сѣли въ корету и поѣхали до костела, въ которомъ и безъ воли отца своего обвѣнчалась.

И какъ ѣхали назадъ отъ костела, король, отецъ ея, смотрилъ на церемонію и увидѣлъ въ той церемоніи фелтъмаршеловъ: для чего несутъ двѣ короны? они же объявили ему [1]), что не знаютъ, толко объявили, что по приказу великой государыни, королевны Элеоноры, такъ чинено, а о томъ не объявили, что въ дѣйствіи было. И какъ уже король встрѣчалъ зятя своего любезного, адмирала, и увидѣлъ, что адмирала тутъ нѣтъ, спросилъ, что за притчина, о которой все ему подробну объявила королевна Элеонора. Слыша сіе, король воскричалъ велми яростно на всезлобнаго того адмирала и приказалъ было ево аркибузировать, да уже и такъ хорошо былъ до его королевскаго величества приказу при банкруцкой смерти вѣчной [2]).

И въ тотъ часъ король отъ зѣльной жалости и радости плакалъ довольно и притомъ жаловалъ капитана ка-

---

кирку к государыне нашей совокуплятца законнымъ бракомъ на сочетание; и вздумалъ ты, негодной, владеть темъ, чего с началу века не бывало, чтобъ холопъ на государыне своей быть женату, и теперь терпи бедствіе за свое лукавство». И по семъ оставилъ ево подъ крепкимъ карауломъ, а самъ пошелъ в церемонію». Продолженіе описанія казни—дальше.

[1]) «король смотрелъ на церемонію и увиделъ въ той церемони несены две короны, о которыхъ спрашивалъ в той церемони едущихъ генералитетовъ, для чего две короны? они же, отрицаяся незнаніемъ, точію объявили». Публ. Б-ки.

[2]) Публ. Б-ки вмѣсто «аркибузировать»—«велми яростно разгневался на вселюбѣзного (sic) адмирала и приказалъ все члены костей ево на двое пиловать, но уже и такъ доволенъ».—Въ Кубл. продолженіе исторіи:... «разгневался на всезлаго адмирала, которого приказалъ все члены и кости ево пиловать на двое. Токмо королевна просила отца своего, чтобъ оная казнь отложена была, покаместъ отойдетъ брачное веселіе,—о чемъ изволишъ отъ него, всезлобного адмирала, подлинно извѣститца, какое ево шпіонство». Въ Румянц.: «приказалъ было ево аркибузовать, да и уже і такъ до ево приказу учинено при банкруцкой смерти вечной».

Digitized by Google

мандора и учинилъ ево адмираломъ, и притчихъ жаловалъ, которые цесарскому величеству благодѣяніе чинили. Въ томъ числѣ и волнодомца оного, у котораго цесарь Долторнъ жилъ въ домѣ, жаловали, и было великое веселіе и тріумфы.

И какъ начали кушать, то приступилъ х королю одинъ баронъ и донесъ о прибытіи посла отъ цесарскаго величества, перваго цесаря, которой прибылъ въ печалномъ платьѣ и потомъ неизреченную радость увидѣлъ, зачѣмъ и въ посолство отправленъ, того жъ часа видѣвъ то, пошелъ назадъ и убрался въ богатое платье. Потомъ король, распечатовъ грамоту, увидѣлъ, что пишетъ въ той грамотѣ цесарь съ немалою жалостію о своемъ второмъ цесарѣ, отлучая и забывъ единоутробное братство, пишетъ въ той грамотѣ, ежели оного хищника адмирала не пришлетъ къ нему для ево непотребныхъ поступокъ къ достойной карѣ, то повиненъ онъ самъ мстить [1]) своему брату за утрату втораго цесаря.

Видя король, весма сему возрадовался о несказанной сей истиннѣ, понеже ему прежде не такъ было вѣроятно, какъ дщерь ему объявляла. Въ тотъ часъ послалъ своего полномочнаго посла съ немалыми дары за подписаніемъ втораго цесаря Долторна, со объявленіемъ показанной радости, на которою просили и его цесарскаг величества съ цесаревою и со всѣми министры и генералитетомъ [2]). И какъ посолъ къ цесарскому величеству прибылъ и объ ономъ объявилъ, отчего радость неизлаголанная въ серцѣ его возсіяла, и не надѣялся тому быть правду и видѣть цесаря второго.

---

[1]) «войною мстить», Публ. Б-ки; «іти войною», Твер.

[2]) «и со всеми генералитеты, в которои же і объявили о всезлобномъ и проклятомъ адмирале, которой содержитца окованъ руки и ноги подъ крепкимъ карауломъ», Кубл.

Digitized by Google

И въ тотъ часъ приказалъ всѣмъ своимъ министромъ и генералитету въ путь готовитца, съ которыми до Гишпаніи и прибылъ, и доволно веселились о такомъ неизреченномъ чудеси, какъ цесаря Долторна Богъ избавилъ отъ смерти [1]).

Король же гишпанской отъ несказанной радости, что его дщерь божіимъ смотреніемъ такому великому

---

[1]) «По прибытіи же какъ увиделъ в прежнемъ здравіи втораго цесаря, брата своего Долторна, и протчие генералитеты находились в великой радости и довольно веселились о такомъ богодарованномъ благополучіи, которого уже і с сего света отчаяли. Король же гишпанскій, что дочь, вою сочеталъ браковъ, такожъ притомъ і о прибытіи брата своего безерно радовался, и все при немъ подданнѣище (sic) весе.нились довольно.

«По многомъ же времяни приказалъ король привесть предъ себя того всезлобнаго адмирала, которой былъ тогда и представленъ. Король же говорилъ ему: «о неблагодарныи сосудъ, или ты отъ меня пожалованъною честію надо всеми былъ недоволенъ, ты же, лукавой, неправдою своею і лукавствомъ в честь происходилъ и командою превосходилъ; довольно (съ) тебя было і того, но еще захотелъ, всезлобныи, быть гишпанскимъ наследникомъ и короною владеть, недостоинын; что жъ забывъ и прежнее, когда былъ подъ разбойническимъ городкомъ и потерялъ воиско тамъ немалое число, за что былъ и прощенъ; нынѣ, забывъ то, вторично мерскія учинилъ, что и его величество, втораго цесаря, воровскіи увесъ з дочеріею моею ночью із Цесаріи и арестовалъ его, посадилъ в нижней каютъ, яко злодея; не удовольствуяся же темъ, приказалъ капитану навязать на него болшее едро и бросить в море; однако жъ капитанъ того не смелъ чинить, за что получилъ себѣ адмиральскую честь; нынѣ за такое твое шпионство сейчасъ имѣешъ быть жестокою смертію казненъ».

«І отдалъ приказъ всемъ генералитетамъ и афицерамъ, чтобъ сего часу сьезжались смотреть смерти адмиральской; такожъ грацкие жители собрались тогда на площадь, где политическая смерть бываетъ, многое число. Тогда король приказалъ быть королеве своей при томъ и цесари, первыи і вторыи, с цесаревами ізволили смотреть; адмирала же взявъ на амбонъ, и приказалъ король смотреть на часы, что какъ часъ проидетъ, то у него рубить тогда все по одному члену. И тако ево рубили во весь день, какъ зачели с утра, такъ были до вечера беспрестанно. Король же смотрелъ только какъ руки и ноги у него отрубили, потомъ поехалъ въ домъ свои, і какъ приспе вечеръ, тогда уже приказалъ его смерти предать; пожитки же ево движимые и недвижимые іменія велелъ отдать волнодомцу, которой Долторна, когда прибывши съ моря (принялъ?), за которою милость короля много благодарилъ.

«Потомъ первыи цесарь поехавъ в Цесарію, а король гишпанскіи, по прошествіи несколько времени, впаде въ велику болезнь», и проч., Кубл.

Digitized by Google

государю женою учинилась, доволно веселился. И потомъ, нѣсколько времени минувъ, впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой и умеръ и погребенъ честно съ достойною королевскою обычайною честію [1]).

Цесарь же Долторнъ, не хотя оставить цесарской короны, по совѣту съ первымъ цесаремъ короновали на королевство въ Гишпаніи за вѣрную службу вышереченнаго адмирала, которой былъ капитаномъ камандоромъ и избавилъ цесаря Долторна отъ смерти. Въ томъ числѣ волнодомца того за ево призрѣніе, что онъ цесаря Долторна во время бѣдствія ево не оставилъ, пожаловалъ въ гишпанскомъ флотѣ полнымъ адмираломъ. Цесарь первый, взявъ втораго цесаря Долторна и Элеонору въ Цесарію, короновалъ ево первою цесарскою короною, а самъ съ цесаревою своею въ старости жилъ въ покоѣ, положили дней конецъ своихъ [2]).

Сіе удивительно, что за чистую и за истинную вѣрную услугу къ своему государю, рабъ и разбойникъ избавленъ отъ великихъ бѣдъ и получилъ неизглаголанную радость, въ которой во вся дни живота своего, яко непоколебимый столпъ утвержденный, стоялъ недвижно и въ радости положилъ жизни своея—

КОНЕЦЪ.

---

[1]) «з достоиною честію по королевскому обычаю,» Публ. Б-ки.

[2]) «самъ же Долторнъ остася съ королевною своею во младости цвѣтущія лѣта во благополучіи и со всеми в замирени щасливо до скончания своего века», Публ. Б-ки.

Digitized by Google